Изъ книгъ
Н. Н. СТРАХОВА.

A I 751

А I 751.

ПРАЗДНИКИ ГОСПОДНИ

1229
Перейин. 1950
Лен. Гос. Ун т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького
БИБЛИОТЕКА ... УНИВЕРСИТЕТА

A I 751

1292

ПРАЗДНИКИ ГОСПОДНИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1893

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 16 Марта 1893 года.

Цензоръ Архимандритъ *Тихонъ*.

Типографія А. Бенке, Новый переулокъ, д. № 2.

ПРАЗДНИКИ.

Блажени людіе вѣдущіе воскликновеніе: Господи, во свѣтѣ лица Твоего пойдутъ. *Пс. 88.*

Праздникъ! Святое слово. Когда Богъ осудилъ падшаго человѣка воздѣлывать землю обремененную проклятіемъ грѣха, и въ потѣ лица своего ѣсть хлѣбъ свой, Онъ изрекъ человѣку заповѣдь — праздновать Субботу: «день же седьмый — Суббота Господу Богу твоему». Это не значитъ только: одинъ день отдыхай человѣкъ отъ трудовъ своихъ. Нѣтъ, это значитъ много болѣе: недѣлю работалъ ты человѣкъ, въ заботѣ о земномъ приникая лицемъ къ землѣ твоей питательницѣ — но въ седьмый день воздвигни лице твое отъ земли, обрати взоры свои

Библиотека ... университета

Научная библ. им. Горького

къ небу, къ Богу Создателю твоему и воспари къ нему благодарною душою. И тогда — оставь гнетущія тебя заботы; упразднись и отъ богатства и чести, и отъ нищеты и безчестія, и обратись къ источнику жизни безсмертной — туда гдѣ нѣтъ нужды, болѣзни, зла и неправды.

Это вѣковѣчный завѣтъ Божій человѣку. Святая церковь наша крѣпко хранитъ его, и всѣ вѣрные дѣти ея, всѣ любящіе церковь, хранятъ его крѣпко и вѣрно и любовно, потому что не могутъ не любить праздники, посвященные воспоминанію великихъ событій въ церкви Христовой.

Какъ бы мы, вѣрующіе, жили здѣсь безъ этихъ праздниковъ, какъ бы пуста и безотрадна показалась намъ жизнь, посреди всей ея суеты, посреди гнетущихъ заботъ, посреди нужды и неправды! А всякая душа «скорбящая, озлобленная, помощи и милости отъ Бога требующая», безъ праздника, — куда бы дѣвалась, на

чемъ бы отдохнула отъ своей отчаянной скорби? Всякую душу, какъ бы ни была она погружена — и въ молву людскую и въ безмолвіе одиночества,— праздникъ призываетъ *пѣть* пѣснь Вседержителю Богу.

Слово это понятно и сочувственно рускому человѣку, съ дѣтства воспитанному въ благочестивомъ обычаѣ, съ дѣтства знающему церковь съ ея праздниками. Руской человѣкъ всю свою жизнь, все свое рабочее время, привыкъ размѣрять по праздникамъ церковнымъ. Руская душа отдыхаетъ и радуется въ церковный праздникъ, и благо тому кого благочестивые родители съ дѣтства пріучили чтить праздникъ, съ радостнымъ чувствомъ ждать его и услаждаться его освѣжающею и возвышающею силой. А церковь наша своимъ богослуженіемъ такъ торжественно обставила не только великіе праздники, но и таинственное ожиданіе ихъ для вѣрующихъ, что праздникъ самъ

собою постепенно вступаетъ въ душу, озаряя ее тихимъ свѣтомъ благодати.

Весь годъ свѣтится этотъ свѣтъ тому кто привыкъ ощущать его. Настаетъ весной праздниковъ праздникъ, Пасха Христова — и ему предшествуетъ семь недѣль торжественнаго приготовленія и ожиданія — непрерывною цѣпью молитвенныхъ созерцаній, таинственныхъ воспоминаній и вдохновенныхъ пѣснопѣній. Настаетъ подлинно «царица временъ, весна душамъ», какъ сказано въ канонѣ на недѣлю св. Ѳомы. — За пасхой идетъ рядъ недѣль по Пасхѣ, посвященныхъ Евангельскимъ воспоминаніямъ умиляющимъ душу, — до радостнаго Вознесенія, на которомъ церковь собрала подлинно и пѣснопѣнія и звуки исполненные свѣтлой радости. Недолго за тѣмъ ждать цвѣтущаго праздника Пятидесятницы: «небеса повѣдаютъ славу Божію», природа пышнымъ расцвѣтомъ своимъ призываетъ славить Бога во святой

Троицѣ, и живые съ усопшими соединяются въ общей другъ за друга молитвѣ. Осень приводитъ великіе дни Преображенія, Успенія, Рождества Богородицы, Воздвиженія и Покрова. И уже въ началѣ зимы возникаетъ въ душѣ чаяніе Введеньева дня, когда затеплится заря Рождества Христова и въ церкви уже слышится тихое пѣніе: «Христосъ раждается!» Ждемъ сочельника, — и чему уподобить торжественную тишину этого дня, исполненнаго, отъ царскихъ часовъ до вечерни и всенощной, таинственныхъ образовъ, пророчествъ и пѣснопѣній. Знаютъ эти дни всѣ церковные люди, кто стаивалъ въ трепетномъ ожиданіи первой вечерней стихиры: «пріидите возрадуемся Господеви, настоящую тайну сказующе».

Вслѣдъ за Рождествомъ — Богоявленіе съ своимъ торжественнымъ сочельникомъ, — Срѣтеніе, Благовѣщеніе, уже озаряемое дальнимъ сіяніемъ Пасхи.

Многимъ людямъ принадлежащимъ къ церкви но не имѣющимъ живой связи съ нею и съ ея Богослуженіемъ, странно и непонятно кажется — радостное ожиданіе Великаго Поста. Но церковный человѣкъ стремится къ нему какъ къ источнику живой воды въ пустынѣ и жаждетъ ощутить въ немъ тишину, среди житейскаго шума. Открывается постная тріодь, наступаетъ недѣля Мытаря и Фарисея, предвѣстница поста, и уже видятся вдали отблески первой зари Воскресенія.

Съ ранняго утра въ чистый понедѣльникъ уже ощущается тихое вѣяніе Великаго Поста. Какая тишина въ Московскихъ улицахъ и переулкахъ, и въ свѣжемъ, чистомъ весеннемъ воздухѣ какою гармоніей звучатъ серебристые переборы колоколовъ, отовсюду зовущихъ къ утрени! Войдешь въ любую церковь — она наполнена, и въ какой тишинѣ стоятъ всюду первые говѣльщики. Зачинается что то

торжественное всюду — и православный человѣкъ ждетъ, когда за вечерней потекутъ умилительныя пѣсни великаго Канона и послышатся давно не слышанные, тихіе, величественные напѣвы ирмосовъ: *Помощникъ и Покровитель.*

Каждая недѣля затѣмъ — новая ступень восхожденія къ великому празднику: ждать этого праздника, переживая день за днемъ возвышенныя богослуженія страстной недѣли — и наконецъ вступить въ часъ свѣтлой полуночи: — счастливъ кому знакомы эти ощущенія, кого они переносятъ свѣтлымъ воспоминаніемъ въ дальніе годы цвѣтущаго, невиннаго дѣтства.

Такова благословенная цѣпь праздниковъ, связующая изъ года въ годъ жизнь христіанина — въ церкви. Но въ теченіе года и на каждой недѣлѣ сіяетъ вѣрующей душѣ — день Воскресный. Утомленный шестидневною суетой и заботой, жаждетъ человѣкъ вечера субботы — и

вотъ, опять раскрывается предъ нимъ священная поэма субботы — на воскресной всенощной: торжественное начало вечерни, голосами природы призывающее славить Господа, — потомъ осмогласіе воскресныхъ стихиръ, и вечерняя пѣснь на солнечномъ закатѣ; — потомъ, въ сумракѣ и тишинѣ молитвы и возвышенные образы псалмовъ Давидовыхъ; потомъ, въ сіяніи свѣта громкія торжественныя пѣсни Воскресенія, съ дѣтства радующія слухъ вѣрнаго сына церкви, и на канонѣ чудныя пѣсни ирмосовъ на 8 гласовъ, одинъ другого благозвучнѣе, одинъ другого торжественнѣе, всѣ издавна знакомые слуху, всѣ неизмѣнно умиляющіе душу...

Такъ совершается вѣнецъ лѣта въ церкви и въ жизни православнаго христіанина. Истинно блаженны люди, вѣдущіе воскликновеніе въ праздникахъ церковныхъ.

20 Іюня 1857.

[illegible]

Кақ [illegible] Г[illegible] С[illegible] [illegible] таютъ. [illegible] [illegible] нen, не ло[illegible]сь на серд[illegible] [illegible]. Въ головѣ вертится и р[illegible] чуждое храм[illegible], [illegible]ское, суетно[illegible] П[illegible] мысль свою, [illegible] картин[illegible] [illegible]что не пом[illegible] [illegible] Б[illegible] не [illegible] [illegible]

[illegible] его. [illegible] слезъ и [illegible] сердце [illegible]; [illegible] радуется, что [illegible] согласно съ самою [illegible]: [illegible] соотвѣтствуетъ [illegible]. Душа расплавляется въ молитвѣ и бесѣдуетъ съ Богомъ въ радости и веселіи. Слѣдуя [illegible] Богъ радости и веселія: [illegible] и [illegible] молитвы. Въ то время, [illegible] сердце [illegible] сокрушенія, смиряется предъ Богомъ [illegible] воздыханіями, — Богъ посылаетъ ему радость и веселіе. Это [illegible] Духа, [illegible] о насъ воздыханіями не [illegible]. Какъ будто Христосъ [illegible] въ [illegible] учениковъ и сказалъ: миръ [illegible] радуйтеся!

О, святая и [illegible] радость! Нѣтъ безъ тебя обращенія къ Богу, нѣтъ безъ тебя сыновней любви и [illegible] преклоненія. Съ тобою все легко на этомъ свѣтѣ, и мысли о счастіи съ тобою [illegible] понятно человѣку, которому [illegible] съ тобою [illegible] въ своемъ сердцѣ [illegible] не отъ людей, не отъ [illegible], не отъ обстоятельствъ. Тебя принесъ [illegible] Христосъ Спаситель и тебя оставилъ [illegible] на землѣ [illegible] человѣку. Онъ далъ [illegible] силу, [illegible] взывать: Авва Отче! къ Богу Вседержителю,

[illegible] Богу, Который [illegible] Отче, [illegible] Тебѣ, Начало [illegible] [illegible]каго вѣ[illegible]!

10 Августа 1857.

К[illegible] воспоминаній, тотъ знаетъ по опыту, какъ часто вдругъ, неожиданно, среди равнод[illegible] [illegible] одно невзнача[illegible] [illegible]нное слово, одинъ напѣвъ или звукъ [illegible] уснувшую душу и мгновенно отвор[illegible] [illegible] міръ прожитого, минувшаго. Мгновенно воскресала въ душѣ живая картина изъ минувшей жизни со всею ея обстановкою, возникали изъ глубины прошедшаго милые образы, давно оставшіеся позади насъ. [illegible], такъ понятно [illegible]сладительно цѣлая гармонія того момента, котораго коснулось воспоминаніе. Никакими словами невозможно выразить впечатлѣніе, произ[illegible]ное въ душѣ такимъ воспоминаніемъ: какая-то торжественная поэма слагается въ ней изъ остатковъ минувшаго, за минуту передъ т[illegible]

[illegible]

[illegible]

ударили, и вдругъ душа тронулась. Одинъ этотъ звукъ напомнилъ тебѣ, ка[illegible] давнымъ-давно встрѣчалъ ты въ дѣт[illegible], [illegible] же какъ тогда, съ горячимъ желаніемъ, съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ чего-то таинственнаго и торжественнаго, спѣшишь ты въ церковь стать на свое мѣсто! Какъ часто дома, чит[illegible] и равнодушно проходя мыслію п[illegible] вдругъ попадаешь на слово, которое разомъ открываетъ душу и вво[illegible] [illegible]алостныхъ и возвышенныхъ духовныхъ он[illegible]еній. Отъ чего? Отъ того, что это слово — сл[illegible] [illegible]одственное, знакомое душѣ, слово, котор[illegible] [illegible]ну пору* будило твою мысль и лельяло твое чувство. Вспоминаешь торжественную минуту прошедшаго — и настоящая минута озаряется тѣмъ же торжественнымъ свѣтомъ. Кажется иногда, что нѣкоторыя слова Св. Писанія сами по себѣ имѣютъ какую-то таинственную силу зажигать [illegible] поднимать душу. Чѣмъ чаще читаешь его [illegible] лучшія минуты душевнаго умиленія, тѣмъ [illegible] западаютъ въ душу эти слова, и хранятся въ не[illegible] до того времени, когда понадобится душѣ [illegible] для того, чтобы раздуть въ ней искру того же умиленія, хранившуюся подъ пепломъ...

21 Ноября 1860.

Матери, сраду[illegible]! Д[illegible] [illegible]ыграйте!

Не напрас[illegible] [illegible] христіанская, услышавъ ихъ въ цер[illegible] [illegible] и тронется Божественнымъ [illegible] ся, можетъ быть уже с[illegible] [illegible]ными восторгами свѣтской суеты. Но если [illegible]брое сѣмя посѣяно въ этомъ се[illegible] уроками матери и Словомъ Божіимъ, если [illegible] о чистотѣ сердечной дорога для нея, если, обращаясь съ молитвою къ Пресвятой Дѣвѣ, она полюбила душою идеалъ дѣвы христіанской. — [illegible] ней проснется и взыграетъ духъ молитвы [illegible] [illegible]тихъ словахъ пѣсни церковной. Она почувствует[illegible] радость о Чистой Дѣвѣ, приведенной [illegible] [illegible] Богомъ въ радости и въ трепет[illegible]

1222

[illegible] Матерь Божія! Пречистая [illegible] хранить чистоту сердца [illegible] всякою нечистотою!

[illegible]

[illegible] гордость; это [illegible] Святомъ Духѣ. Та [illegible]

[illegible], не [illegible] сами [illegible] о чистотѣ и невинности, а [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] перестанутъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и невинности, перестанутъ [illegible] на [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] на чистое существо, при [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] слова и несдер[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] его слово.

Но бѣда и той дѣвѣ христіанской — у кого въ душѣ пропало святое желанье ходить достойно своего званія и *носить въ себѣ* честь свою, [illegible] того чтобы та честь, которую воздаетъ ей обще[illegible] [illegible] и упрекомъ. Бѣда ей, [illegible] привыкнетъ принимать [illegible] честь какъ должную дань, захочетъ владычест[illegible] кругу своемъ — *образомъ* [illegible] красоты и невинности: [illegible]требуетъ любви и служенія отъ всякаго кто къ [illegible] приближается, [illegible] о томъ, что въ мірѣ христіанскомъ [illegible] *[illegible]служеніе*, и что [illegible] христіанская сама прежде всего [illegible], не ожидая любви отъ другихъ [illegible] Богъ [illegible] міръ и человѣка. Тогда честь ея станетъ лицемѣріемъ, [illegible] ея станетъ лестью и обманомъ. Отойдетъ отъ нея радость, которую слѣдо[illegible] приносить съ собою, пропадетъ благоуханіе чистоты, исчезнетъ великая сила, которая по [illegible] Божіей соединена съ именемъ и званіемъ [illegible].

Всякая истинная сила у [illegible] Бога, и всякую силу Богъ указалъ [illegible] носить въ хрупкомъ «глиняномъ» сосудѣ. У кого этотъ сосудъ цѣлъ еще, у [illegible] не разбился онъ на рынкѣ житейской суеты, — тотъ пусть благодаритъ Бога за милость и, [illegible] отъ Бога помощи, пусть

[illegible] и не [illegible] Господа [illegible] Никому [illegible] Другому [illegible] Богъ [illegible] Страшно [illegible] ней [illegible] Бога, а не [illegible] умножилъ [illegible] Страшно [illegible] Отъ [illegible] страха Божія [illegible] станетъ [illegible] — не передъ [illegible] не передъ [illegible] передъ Богомъ. И [illegible] страхъ Божій [illegible] Божіей [illegible] Божіей. Тогда.

[illegible] расто[illegible] сердце человѣка зацвѣтетъ праздничною радо[illegible], которую [illegible] любовь къ Б[illegible] надежда на Н[illegible]. Сердце человѣка *взыгра*[illegible] передъ Богомъ.

Так[illegible] [illegible]граетъ сердцемъ христі[illegible] [illegible] въ храмѣ [illegible] день, поду[illegible] [illegible] Богомъ, увидитъ какъ [illegible] и простоты сердца, достойной ея званія. Какъ должно загорѣться въ [illegible]й желаніе [illegible] тѣвъ, которыя «приведутся къ Царю» вслѣдъ Пречистой Д[illegible] и «введутся въ домъ Царевъ». Какъ горячо станетъ молиться Богу и Пресв[illegible] [illegible] и очищеніи посреди міра, чтобы не смутила ее людская лесть, чтобъ не соблазнила честь людская, чтобы желаніе любви и служенія многихъ не отвело ее отъ любви и служенія немногимъ, съ кѣмъ с[illegible]ана будетъ судьба ея, чтобы праздное слово о любви не ослабило въ ней любви дѣломъ и истиною, чтобъ не изс[illegible]

къ радостному событію, которое являлось совершеннымъ и вмѣстѣ счастливымъ благодатью, подходившимъ къ нему. Благодать Божія снизошла на простую и горячую молитву, и вся красная сила глубоко [illegible] церковно-[illegible] къ [illegible]: «*Христосъ воскресе!*»

25 Декабря 1856.

Рождество Христово.

Никогда такъ сильно не ощущаются въ душѣ моей впечатлѣнія дѣтства, никогда такъ явственно не переносится воображеніе въ отдаленное, цвѣтущее время моей молодости, какъ въ дни великихъ праздниковъ Рождества Христова и свѣтлой Пасхи. Это праздники по преимуществу дѣтскіе и на нихъ какъ будто исполняется сила словъ Христовыхъ: *аще не будете яко дѣти, не имать внити въ царствіе Божіе.* Прочіе праздники не столь доступны дѣтскому разумѣнію и любезны для дѣтей болѣе по внѣшней обстановкѣ нежели по внутреннему значенію. Такова наприм. Пятидесятница.

Однакоже и изъ двухъ названныхъ большихъ праздниковъ — дитя скорѣе пойметъ и приметъ

томъ путешествіе святаго семейства въ [illegible] сколько во всемъ этомъ жизни и дѣйствія, сколько интереса для ребенка! Старая и никогда не старѣющая повѣсть! Какъ она была привлекательна для дѣтскаго слуха, и какъ скоро сжива[illegible] нею дѣтское понятіе! Отъ того-то, лишь т[illegible] приведешь себѣ на память эту простую повѣсть, воскресаетъ въ душѣ цѣлый міръ, [illegible] все давнопрошедшее дѣтство съ его обстановкою [illegible]

Таковъ вечеръ предъ Рождествомъ: вернулся я отъ всенощной и сижу дома въ той-же комнатѣ, въ которой прошло все мое дѣтство; на томъ-же мѣстѣ гдѣ стояла колыбель моя, потомъ моя дѣтская постелька,—стоитъ теперь мое кресло передъ письменнымъ столомъ. Вотъ окно у [illegible]раго сиживала старуха няня и уговаривала ложиться спать, тогда какъ спать не х[illegible] потому, что въ душѣ было волненье — ожиданье чего-то радостнаго, чего-то торжественнаго на утро. То не было ожиданіе подарковъ — нѣтъ,—

[illegible]ось душѣ точно что завтра буд[illegible]
[illegible]енный, свѣтлый, радост[illegible]
[illegible]икое совершиться будетъ. Быва[illegible]
[illegible]локотъ разбудитъ тебя передъ заутреней,
[illegible] няня вставшая, чтобы итти въ церковь, [illegible]
[illegible]жна уговаривать ребенка, чтобъ заснулъ.

Боже! это же ожиданіе дѣтскихъ дней ощу[illegible]ю я въ себѣ и теперь... Какъ все во мнѣ тих[illegible], [illegible]къ все во мнѣ торжественно! Какъ все во мнѣ [illegible]ствомъ прежнихъ лѣтъ, — и съ как[illegible] [illegible]ожидаю я торже[illegible] [illegible]тра. Это чувство, драгоцѣннѣйшій [illegible] [illegible]лаемый среди мірскаго шума и суеты взрослымъ людямъ, чтобъ они живо вспомнили то время, когда были дѣтьми, слѣдовательно б[illegible] ближе къ Богу и непосредственнѣе [illegible] [illegible]ибо принимали отъ Него жизнь, свѣтъ, д[illegible], пищу, радость, любовь — и все чѣмъ крас[illegible] [illegible]ля человѣка міръ Божій.

Но это ожиданье — радости великой и великого торжества на утріе — у ребенка никогда не обманывалось. У ребенка минута ожидан[illegible] сливалась съ минутою наслажденія и удовлетворенья, что не бы[illegible] [illegible] переходъ или [illegible]. Ребенок[illegible] утромъ — и непремѣнно находилъ то, о чем[illegible]

[illegible] вечеромъ, встрѣчалъ и [illegible] то [illegible] говорили ему дѣтскіе сны: существенность для ребенка — не тоже-ли что сонъ; сонъ его не [illegible]-ли что существенность? Ребенокъ утромъ просыпался окруженный [illegible]-же благами жизни дѣтской, которыя безсознательно принималъ [illegible] день, — только, освѣщенныя праздничнымъ [illegible], — лица его окружавшія, были [illegible] веселѣе, [illegible] живѣе игры одушевленнѣе. Чего-же болѣе для ребенка? Ребенокъ не [illegible] на утро [illegible], что [illegible] вечеромъ: [illegible] безсознательно [illegible] ожида[illegible] и утреннее [illegible] было безсознательно: [illegible] мѣсто [illegible], анализу и сравненью. Вчерашняя мечта была такъ похожа на нынѣшнюю дѣйствительность; [illegible] дѣйствительности такъ соотвѣтствовала вчерашней [illegible], что [illegible] было назвать мечтою и дѣйствительности не [illegible] было противу[illegible].

Не [illegible] взрослымъ: — но [illegible] того, у кого [illegible] ожиданье праздника при [illegible] праздничнаго утра замѣняется горькимъ чувствомъ пустоты и разочарованія! «Всякой вещи время подъ небесемъ». Дѣтство проходитъ, и взрослый человѣкъ не

[illegible] ребенокъ. [illegible] живой, полной и чистой праздничной радости, [illegible]рослый человѣкъ не можетъ довольствоваться [illegible]ѣмъ непосредственнымъ ощущеніемъ, которое [illegible]войственно ребенку: какъ смотрѣлъ [illegible] [illegible]вой ребенокъ, такъ не можетъ [illegible] [illegible]вѣкъ смотрѣть на свой міръ: съ тѣхъ поръ какъ онъ началъ рости и приходить въ сознаніе, въ [illegible] свой міръ, сложившійся въ немъ частію безсознательно, частію созна[illegible]тельно, — міръ обширный какъ вселенная, міръ безпредѣльный какъ вѣчность! Что положи[illegible] туда человѣкъ, то и [illegible].

И если впечатлѣнія своей юности положилъ [illegible]нъ туда какъ старую вещь, не назначивъ ей мѣста, не уразумѣвъ ея значенія, [illegible] [illegible] впечатлѣ[illegible]нія будутъ служить ему только [illegible] игруш[illegible]кой, которую можно вынуть на [illegible], но которую надо будетъ по[illegible] въ сторону съ грустью или [illegible] насмѣшкой. Что [illegible] въ одной игрушкѣ [illegible]?

Но если въ этихъ впечатлѣніяхъ [illegible]ства удалось человѣку уловить таинственный

[illegible] нымъ біеніемъ. [illegible] дѣтства во всякомъ стремленіи къ добру, красотѣ и истинѣ, если въ самыхъ [illegible] сильныхъ порывахъ души своей [illegible] вѣкъ узнаетъ тоже чувство, кот[illegible]тельно зарождалось [illegible] [illegible] радости никогда не покажутся [illegible] игривою мечтою. Тогда не обманетъ человѣка и праздничное утро — въ томъ счастливомъ ожи[illegible]ніи, которое онъ ощущалъ вечеромъ. И если вечеромъ сіяла на немъ заря счастливаго дѣтства, то утро озаритъ его тихимъ свѣтомъ восхода солнечнаго и разольетъ въ душѣ его миръ, любовь и надежду. Если прежде, въ дни Рож[illegible] Христова былъ онъ ребенкомъ, внима[illegible] слушавшимъ и безсознательно сохранившимъ святую повѣсть о Божественномъ Младенцѣ въ ясляхъ, — то теперь, просвѣтленное сознаніемъ, укрѣпленное вѣрою, согрѣтое любовью, — еще живѣе возродится въ немъ дѣтское чувство, и снова ощутивъ себя младенцемъ, обратится

[illegible] [illegible] [illegible] — [illegible] [illegible],
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] — [illegible]
[illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible]. [illegible] [illegible], [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]! [illegible] [illegible], *[illegible]!*

О [illegible] [illegible] [illegible]! О [illegible],
[illegible]ственное [illegible]! Если [illegible] [illegible], [illegible]
[illegible] [illegible] къ себѣ, [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] — [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible]... [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible],
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible]!

Двадцать пятое Декабря.

В[illegible] соборѣ [illegible] одинъ изъ самыхъ торжественныхъ моментовъ [illegible] обѣдня въ день Рождества Христова, и послѣ [illegible]ея извѣстное, родное каждой православной русской душѣ благодарственное молебствіе. [illegible] нашествія [illegible] Москву и на Россію Галловъ и съ ними двунадесяти язы[illegible].

Как[illegible] торжество изъ всѣхъ общественныхъ собраній [illegible]жетъ сравниться съ этимъ тор[illegible]-[illegible] въ величіи, въ истинѣ и сосредоточенности чувства, проникающаго всѣхъ и каждаго, об[illegible]единяющаго въ себѣ два великія, два господственныя ощущенія человѣческой природы — ре[illegible]лигіозное и національное? По-истинѣ міръ самыхъ возвышенныхъ явленій [illegible] и науки не можетъ представить ничего подобнаго. Вся э[illegible]

спасеніе, [illegible] — [illegible] благоденствія, и [illegible] нію, [illegible], и [illegible] грудь [illegible] льется единая пѣснь: Рождшемуся Христу, Спасителю человѣчества, Спасителю державы Россіи.

Послѣ литургіи — [illegible] съ каѳедры [illegible] [illegible], [illegible] пѣніе — [illegible] и [illegible] (ибо родители [illegible] и [illegible] не [illegible]), и [illegible] самый [illegible] и самый простой человѣкъ стоитъ рядомъ [illegible], [illegible] въ одинаковомъ состояніи [illegible] предъ Богомъ, и [illegible] Богу въ молитвѣ.

Но вотъ, оканчивается литургія.

Изъ алтаря выходитъ процессія, направляющаяся къ [illegible] посреди храма. На [illegible] становится [illegible] соборъ [illegible] въ [illegible] ризахъ, и посреди [illegible] старѣйшіе, убѣленные сѣдинами, — живые свидѣтели и участники многихъ великихъ событій въ Церкви, иные современники, иные же [illegible] — [illegible] освобожденія Россіи въ 1812 году. Начинается служба, великая служба, составленная [illegible] рѣчи, [illegible] каждое слово [illegible] въ Русскомъ сердцѣ, [illegible] Богъ. Русскіе [illegible]

[illegible] жизни, [illegible] Рождественск[illegible]

[illegible] «Всемірная слава» [illegible]

[illegible]

[illegible] Богу [illegible]

[illegible]

[illegible] Церковь Россійская, [illegible]

[illegible] И [illegible]

[illegible]

Искупленіе.

«Я благодарю, говоритъ Преосвященный: — [illegible] Твоей [illegible] и [illegible] Твое [illegible] [illegible]. И [illegible]! Но [illegible] Твою и [illegible] Твоей [illegible] и [illegible] Твоей [illegible] и сердце! И [illegible] Твоей [illegible]. И [illegible] Преосвященный [illegible]. Но Ты, Господи Боже, [illegible] и не потребляешь [illegible]

[illegible]рала, [illegible] древних [illegible] [illegible] Т[illegible], [illegible] мощей [illegible]... [illegible] [illegible] сокровищем... [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] сей [illegible] и [illegible] память [illegible] [illegible]...

[illegible] и [illegible] [illegible] 1812 [illegible], не [illegible] [illegible] слова [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], мол[illegible]! [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] В[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Русской [illegible], исторія [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Пр[illegible] [illegible] [illegible]... И развѣ [illegible] [illegible] не [illegible] [illegible] [illegible] ный глагол[illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]ихъ? И развѣ [illegible] не [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

31 Декабря 1860.

Новый годъ.

[illegible]

[illegible]

тому не [illegible] [illegible]! [illegible] [illegible] [illegible], и [illegible] все эти [illegible] [illegible] въ душѣ [illegible] [illegible] [illegible]. Вотъ — мои [illegible], мои [illegible], мой [illegible] [illegible]. Вотъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], вотъ другіе, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] Я, [illegible] [illegible] и [illegible] и [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] и [illegible] и [illegible], [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] — [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible]. Все, все [illegible]. Все [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Божіи. Все было не даромъ. Все было во благо.

Мое [illegible]? Какъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] стороны [illegible] [illegible] [illegible] себѣ [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] и [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] удивительное [illegible]: [illegible] другое [illegible] — онъ [illegible] [illegible] [illegible]! И [illegible] [illegible] [illegible]: [illegible], [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible], что [illegible] [illegible]. А [illegible]

Господи, благослови!

1 Января 1861.

[illegible]

гдѣ, [illegible] было [illegible], въ чемъ [illegible]-
[illegible] и [illegible] — [illegible]
[illegible]
[illegible] и [illegible], [illegible]
[illegible]
[illegible], [illegible]
[illegible] Божій [illegible]
[illegible]
[illegible] и [illegible], [illegible]
[illegible], [illegible]
[illegible] и [illegible], — [illegible]-
[illegible] и [illegible]
[illegible] и [illegible], [illegible]
[illegible]. Если
[illegible]. [illegible], [illegible]
[illegible] и [illegible]
[illegible] и [illegible]
[illegible] и [illegible]
[illegible] Божій, [illegible]
[illegible]
[illegible]. [illegible]
[illegible] и
[illegible], [illegible]
[illegible], [illegible]
[illegible]. [illegible] и [illegible]

[illegible] Ты [illegible], Боже [illegible]! Не знаю, [illegible], что [illegible] на [illegible], [illegible] — [illegible]. Теперь [illegible], ни [illegible]. Сколько [illegible] сердец, [illegible] [illegible]! Сколько еще [illegible], [illegible] Ты [illegible] — [illegible] и [illegible]. Когда успокоюсь, [illegible] в Тебе [illegible] Божеств[illegible], и [illegible] и [illegible]? [illegible] — и [illegible] Тебя, и [illegible]: [illegible], [illegible]. [illegible] и [illegible], [illegible] сердца. [illegible], Боже мой, [illegible] и Твоей [illegible], [illegible]. О, когда [illegible] и [illegible] о [illegible] и не [illegible] своей [illegible], только бы [illegible] служение.

5 Января 1857.

[illegible]

[illegible]

[illegible] характеръ и [illegible] Мессiи. [illegible] Какъ Онъ [illegible]? [illegible] Его [illegible] Онъ [illegible] славы и [illegible]? И вотъ, [illegible] о [illegible] Iисуса [illegible], [illegible] Iерихонъ, [illegible] Iерусалимъ: [illegible] есть Христосъ?

Безъ сомнѣнiя, [illegible], [illegible] Мессiи. Жидовъ, [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Осанна! [illegible]

Не по вѣрѣнии, чего ожидали, но что они умаляли и усиливали, то было имъ на душу и раздѣлило [illegible] ихъ друг. Безъ сомнѣнія, и тѣ ей ихъ было много такихъ, что помнили не правды и [illegible], не испытывали сердца своего и о судьбѣ его не представляли себѣ вопросовъ: были и люди давно уже носившіе въ себѣ совѣсть отягченную грѣхомъ, сердце утомленное заботами о путяхъ жизни, умъ возмущенный [illegible] [illegible] народа вмѣстѣ съ слабостью всего [illegible] ступающей. [illegible] [illegible] [illegible], у которыхъ мысль [illegible], [illegible] [illegible] попеченіями о хлѣбѣ насущномъ, [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] людей, для которыхъ [illegible] народа стало [illegible], [illegible] жизни и [illegible] для жизни: [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и сердцемъ въ [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] и прибытка.

Но во всѣхъ этихъ людяхъ была искра Божества, была живая душа, способная къ воспріятію мысли и [illegible], душа [illegible] и [illegible] и требующая лучшаго. Многіе изъ нихъ блуждали во тьмѣ и [illegible] свѣта и не находили его. У нихъ были писанія пророческія, былъ храмъ со всѣми обрядностями Моисеева

сердца и каждому сердцу сказали его печальную исторію и [illegible] сердцѣ [illegible] сочувствія. Къ тому — [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] отъ [illegible] учителей, съ ними [illegible], обращаясь съ вопросомъ: что есть истина? и [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible].

Странное дѣло — [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] — [illegible] [illegible] въ себѣ [illegible] [illegible] [illegible] на міръ [illegible] и [illegible] въ [illegible] [illegible], и [illegible] [illegible] [illegible] на [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] на міру — [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible]. И какое слово онъ имъ проповѣди? Не слово о любви и [illegible], не обѣщаніе мира, не [illegible] о блаженствѣ и славѣ, — [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] — [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Господень и хранящіе слово Его.

Блаженны [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] е-
сенное со властію, человѣкомъ, которому дана была власть и сила правды, сердца почуяли въ себѣ грѣхъ и дрогнули и подвинулись. Таковы и мы, дѣти суетнаго міра — и невѣрные и почитающіе себя вѣрными, и холодные дѣятели, и горячіе мечтатели, и глубокіе мыслители, и ненасытные искатели наслажденій. Носимъ въ себѣ грѣхъ и не знаемъ гдѣ сыскать его. Думаемъ, что знаемъ жизнь, а жизнь насъ обходитъ и стоитъ позади насъ, невѣдомая. Воображаемъ, что образъ правды ясенъ и свѣтелъ передъ нами, а съ нами играетъ ложь призраками правды. Наслаждаемся дѣлами рукъ своихъ — и не подозрѣваемъ, что дѣла наши призрачны, какъ страстное желаніе, которое ихъ породило, обманчивы какъ наслажденіе, котораго мы въ нихъ ищемъ. Мы живемъ и ходимъ надъ бездною — и знаемъ и говоримъ о безднѣ, по тому мѣсту, по которому мы ходимъ, упираемся какъ твердынѣ. Несмысленно тоскуемъ, несмысленно радуемся — и обольщая себя, другихъ обольщаемъ. Жаждемъ исполненія сердечныхъ желаній, — но чего хотимъ, волею того не въ силахъ дѣлать, а дѣлаемъ то, чего не хотимъ. — Кто выведетъ насъ изъ этого обмана,

что [illegible] намъ очи [illegible]рос[illegible] [illegible] насъ на высо[illegible] м[illegible] нини. [illegible]етъ намъ жи[illegible] нашу [illegible] о жизни и о [illegible]дцѣ, [illegible] обманчивый покровъ [illegible]рясетъ до глуб[illegible] д[illegible] [illegible] Блаженъ, кто почу[illegible] на [illegible] и встрѣтилъ на пути своемъ [illegible] вѣрою и все[illegible]астиемъ с[illegible]. Стр[illegible] это слово, [illegible] отъ ужаса. Оно [illegible], какъ она есть, [illegible] жизни [illegible] неумолимый законъ правды [illegible] и [illegible] къ лицу грѣха свое[illegible] [illegible] вся душа въ насъ за[illegible]мъ: «куда убѣжимъ [illegible]? Мы видимъ, какія с[illegible]на [illegible], [illegible], чего не знали прежде. [illegible] Сѣмя [illegible] свой ростокъ и при[illegible] [illegible] и готовитъ казнь грѣха въ [illegible]. Любовь управляетъ [illegible] [illegible] мы только мечтали въ самообольщеніи: что будетъ съ нами, когда мы увидимъ, что любовь не уничтожаетъ закона [illegible] и не отступаетъ ни передъ какимъ страданіемъ человѣческимъ. Ты согрѣшилъ — тебя [illegible] стра-

[illegible]

[illegible]

6 Января 1861.

[illegible]

К[illegible]

[illegible] подвергаться опасности смерти? [illegible], слушай и пересказывай намъ, а [illegible] будемъ слушать, страшась [illegible]. И Моисей [illegible]: не [illegible]. Богъ пришелъ испытать [illegible] и [illegible], чтобы [illegible] заповѣдей. И Богъ [illegible] слова Моисеевы. Но тогда [illegible] почувствовали [illegible] народъ, [illegible] время иного [illegible]. Я [illegible] среди братьевъ своихъ, [illegible] и [illegible]. Я [illegible] слова Мои въ уста Его; Онъ будетъ говорить имъ все, что Я повелю Ему.

Но [illegible] Моисей былъ не одинъ страхъ. Ему [illegible] *благоволеніе*, [illegible] Его по [illegible] Богу. И [illegible], [illegible] насъ, [illegible] Богу [illegible] за [illegible] народъ свой, Моисей принесъ [illegible] между [illegible]. [illegible] загорѣлось [illegible] видѣть [illegible] славу Божію не въ образѣ, но въ дѣйствительности. Но Богъ не открылъ Моисею лица своего. Онъ сказалъ: нельзя человѣку видѣть лице Мое и остаться въ живыхъ. Вотъ что сотворилъ Онъ съ Моисеемъ. Онъ провелъ передъ нимъ *благость* свою и провозгласилъ имя Іеговы. Когда прохо-

[illegible] и сталъ на горѣ, и [illegible] ему [illegible] [illegible] Господь. Зашумѣли бури, трескались горы, разбивались скалы, земля затряслась и пронесся огонь. Но ни въ бурѣ ни въ землетрясеніи ни въ огнѣ, ни въ [illegible] открылся Господь. Послѣ бури [illegible], [illegible] и въ [illegible] тишинѣ Богъ открылъ себя [illegible] пророку. «И духъ [illegible] разоряй горы, но не въ духѣ Господь. И по духѣ трусъ, и не въ трусѣ Господь. И по трусѣ огнь, и не во огни Господь. И по огни гласъ хлада тонка, и тамо Господь». Господь въ сладкой тишинѣ, Господь [illegible] открывается человѣку! О, [illegible] вѣетъ на насъ, христiане, изъ глубины [illegible], отъ этого тихаго явленія Божія: въ немъ душа христіанская видитъ прообразованіе того Божественнаго явленія, въ которомъ человѣкъ на небо взыдетъ и Богъ на землю снидетъ, Богъ станетъ человѣкомъ, и совершенная любовь, по благодати Господней, вонъ изгонитъ страхъ Божія присутствія.

«Слово плоть бысть и вселися въ ны *и видѣхомъ славу Его*, славу яко единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истины». Пришло положенное время, и въ тихомъ вѣяніи прохлады

6 Января 1859.

[illegible]

[illegible]

считаемъ жизнь свою неудавшеюся: это *небо* наше, о которомъ мы мечтаемъ ходя на земли: небо, которое вездѣ возможно для насъ и ни съ какимъ мѣстомъ, ни съ какимъ положеніемъ не связано, лишь бы мы только умѣли найти его.— Оно повсюду — но когда спросимъ себя — гдѣ оно? не знаемъ отвѣта, потому что никто самъ по себѣ не знаетъ гдѣ найти его — развѣ тѣ немногіе, *имъ же дано есть*. Вотъ царство, котораго образъ провидѣлъ пророкъ и царь земной въ своемъ вдохновенномъ гимнѣ, и если найдется на земли двое или трое счастливыхъ, которымъ это царство досталось, — они одни достойны названія побѣдителей жизни, царей вселенныя, которымъ царство досталось безъ крови, безъ борьбы, безъ враговъ и побѣжденныхъ, безъ пятна и безъ раздробленія, цѣлое, полное, чистое, святое царство. Гдѣ бы ни былъ, гдѣ бы ни жилъ такой человѣкъ, въ бѣдной хижинѣ, въ кельѣ монастырской, или посреди шума рыночнаго — онъ вездѣ царь, потому что просто сердце его, ничѣмъ онъ не связанъ, повсюду свободенъ, вездѣ ясно око его, и онъ побѣдитель повсюду.

Прежде чѣмъ Іисусъ Христосъ явился міру агнцемъ Божіимъ въ смыслѣ таинственной жертвы

[illegible] міра, онъ является на берегахъ Іордана [illegible] агнцемъ Божіимъ, котораго изображаетъ Исаія. [illegible] онъ изъ скромнаго жилища [illegible] Божія, во всей [illegible] дара Господня, въ сіяніи [illegible] почиваетъ по слову пророческому. Въ этомъ смыслѣ — невыразимымъ [illegible]ственной ночи Его рожденія; въ этомъ смыслѣ сіяетъ миромъ вдохновенное описаніе Мессіи у Исаіи пророка: «отрокъ мой, возлюбленный мой, на Немъ почіетъ духъ мой — трости сокрушенной онъ не преломитъ и тлѣющаго льна не угаситъ. Ему при самомъ рожденіи дана всякая красота и всякая побѣда, и всякое богатство. — Его судьба, Его призваніе — принесть миръ на землю, примирить Бога съ человѣкомъ, разрушить [illegible] вражды между небомъ и землею. — [illegible] является сыномъ мира, въ простотѣ [illegible] мира; Онъ несетъ съ собою царствіе Божіе, и это царствіе — внутри Его.

Такимъ то является Христосъ Спаситель на берега Іордана. Агнца Божія встрѣчаетъ человѣкъ [illegible] борьбы, съ самого рожденія поставленный на дѣло борьбы и подвиговъ. Это не агнецъ Божій въ томъ смыслѣ, въ какомъ

изображаетъ агнца Псаломъ. Мира нѣтъ въ душѣ у него. Истина возбудила въ душѣ его сознаніе силы и стремленіе къ дѣятельности; истина вывела его изъ города и села въ пустыню, сначала на крѣпкую борьбу съ самимъ собой, съ своими желаньями и мыслями и страстями; истина утвердила мысль его, и во имя истины созываетъ онъ около себя огненнымъ; суровымъ своимъ словомъ толпы народныя, пробуждая ихъ къ новой жизни, къ ощущенію новаго духа, котораго вѣяніе онъ прежде всѣхъ почуялъ. Онъ зоветъ къ нимъ: очиститесь! покайтесь! приближается царствіе небесное.

И вотъ — оно приблизилось, — новое, неслыханное царство, которое издалека почуялъ Илія, когда Богъ открылся ему, мимо грома и бури, въ тихомъ вѣяніи. Агнецъ Божій появился на берегахъ Іордана. И суровый пророкъ, мужъ силы и борьбы, вскормленный пустынею и подвигомъ, послѣ многихъ годовъ брани не познавшій еще мира, видитъ передъ собою Того, Кто явился сыномъ мира и агнцемъ Божіимъ при самомъ рожденіи; — узнаетъ и преклоняется предъ Тѣмъ, въ комъ признаетъ высшую силу, совершенство и полноту, преклоняется предъ Тѣмъ, въ Комъ не было еще внутренняго раздвоенія и смущенія

вѣры, въ Комъ глубокія и тяжкія думы не поднимали еще бури и волненія. Онъ видитъ на Христѣ Спасителѣ царственную печать мира и преклоняется предъ Его величіемъ. Изъ глубины сердца, увидѣвшаго внѣ себя живой образъ того примиренія и единства, котораго напрасно въ себѣ отъискивало, долженъ былъ Іоаннъ воскликнуть при видѣ Христа: «Се Агнецъ Божій».

2 Февраля 1861.

Нынѣшній день долженъ быть праздникомъ старости. Если въ праздники радуется сердце всякаго человѣка, всякаго возраста, переживая въ себѣ событія жизни Христовой, то въ нынѣшній праздникъ сердце старца должно особенно радоваться. Чистая отроковица, Пресвятая Дѣва Марія, приноситъ въ церковь сорокодневнаго младенца Іисуса, [illegible] надежду Израилеву. И вотъ, въ сердцѣ старца, прожившаго весь предѣлъ [illegible] своей жизни, уставшаго отъ жизни исполненной множествомъ своихъ и народныхъ испытаній, загарается сильнѣе чѣмъ когда либо, живая надежда избавленія. Ему было возвѣщено Духомъ, что онъ не умретъ пока не увидитъ живою свою сокровенную надежду, пока не увидитъ Избавителя, отъ вѣка

ожидаемаго, Христа Господня. Для всѣхъ пришла надежда избавленія: для него настала самая минута избавленія и свободы. Онъ долго ждалъ — и наконецъ дождался. Идетъ въ храмъ, и видитъ желаннаго Младенца, и беретъ Его на руки, и воздавая славу Богу, говоритъ: «Теперь-то отпускаешь Ты раба Своего, Владыка (изъ [illegible]) въ Твоемъ [illegible], съ радостнымъ духомъ. Вотъ, очи мои увидѣли Спасителя, Коего Ты воздвигъ предъ лицемъ всѣхъ племенъ земныхъ. Это — свѣтъ для просвѣщенія язычниковъ, это — слава для народа Твоего Израиля».

Жизнь каждаго человѣка — ожиданіе. Не знаетъ чего ожидаетъ младенецъ, играющій предъ Богомъ, на лонѣ своихъ родителей, спокойный, тихій, веселый, довѣрчивый, довольный. Онъ доволенъ,— но и онъ ожидаетъ: ожидаетъ всего того, чѣмъ отзывается ему и сказывается земное счастье. Онъ ожидаетъ — возвращенія отца, материнской ласки, луча солнечнаго, дѣтской игры своей, ожидаетъ новой радости, проводивъ прежнюю радость. Сбываются ожиданія младенца — не нынче такъ завтра, не теперь такъ въ другую минуту. Отъ того жизнь младенца — счастье, какое только есть на землѣ. — Не

знаетъ чего ожидаетъ юноша, когда ко всем бросается и все хочетъ вкусить и прожить въ этомъ мірѣ всей полнотою души, и все дѣлать и всему отдать себя и все преодолѣть кипучею силой молодости, крѣпко вѣруя всѣмъ порывамъ и любви своей и своего негодованія. — Не знаетъ чего ожидаетъ мужъ, взросшій въ жизненномъ опытѣ дѣла, горя и наслажденія. И дѣло и горе и наслажденіе не принесло ему того за чѣмъ онъ стремился, не принесло ему счастья и мира, но онъ все еще впереди полагаетъ свою надежду, — все еще, отбрасывая назадъ и забывая прожитые дни, грудью пробивается впередъ и захватываетъ отовсюду дѣло и горе и наслажденіе и новыя надежды и ожиданія... Онъ успѣлъ ужь узнать какъ обманчива его надежда, а все еще носитъ ее въ себѣ, и жизнь его полна — грустнаго, но все еще крѣпкаго и горячаго ожиданія.

Они ждутъ — и не знаютъ чего ждутъ такъ упорно, во что положили, къ чему направили стремленія души своей. Приходитъ старость... и она ожидаетъ, еще крѣпче, еще упорнѣе. Но — горе старцу, если и онъ не знаетъ чего ожидаетъ усталое его сердце! Горе старцу, когда, провожая съ грустью прошедшій день, онъ вол-

нуется безпокойствомъ только о томъ, каковъ будетъ завтрашній день, когда и онъ все еще собираетъ полупотухшія силы для того только, чтобы захватить и выдержать тѣ же радости и наслажденья, за коими гонится молодость, когда и онъ въ неудачахъ утѣшаетъ себя пѣснью молодости: «завтра я буду счастливѣе!» Нѣтъ, когда бы такова была всякая старость, горе было бы человѣку дожить до старости, — и какую жалость и безнадежность жизни встрѣчалъ бы человѣкъ въ концѣ своего земнаго поприща!

Но не такую старость указалъ Господь въ любви Своей, человѣку. Все добро — у Господа, на всякомъ возрастѣ почіетъ благодать Его, Его благословеніе.

Признаемъ эту благодать, — и старость наша будетъ — не горе, не упадокъ надежды, не плачъ о прошедшей радости, не разрушеніе жизненныхъ силъ, — а миръ, любовь и радость, возрастаніе въ сознаніи, собираніе силы и утвержденіе надежды. Прошла кипучая, дѣятельная молодость — и не возвратится: всему свое время подъ небесемъ. Но благо тому, кто вмѣсто безплодныхъ слезъ о прошедшемъ и грѣшнаго ропота на настоящее, — обозрѣвая прошедшее свое говоритъ: оно мое, и есть драгоцѣнный

даръ Божій; обращаясь къ настоящему, говоритъ: здѣсь покой мой, здѣсь указалъ мнѣ Богъ мѣсто селенія: да будетъ мѣсто свято и покой благодатенъ!

Послѣ всего шума и всей суеты пережитыхъ годовъ, Богъ въ старости уготовалъ человѣку тихое мѣсто уединенія. Некуда стремиться въ жизни, некуда бѣжать — и силы нѣтъ приняти участіе въ суетливыхъ дѣлахъ юнаго поколѣнія. Нѣтъ соблазна разсѣеваться во внѣшности и извнѣ набирать въ себя звуки и образы и мимолетныя впечатлѣнія. Въ эту минуту узнаетъ человѣкъ цѣну того сокровища, которое собрано для него во всей прошедшей жизни исполненной даровъ и наказаній Божіихъ, и благословитъ Бога за тишину, въ которой Богъ при концѣ жизни поставилъ его, и далъ ему великую, благодатную книгу прошедшаго, и указалъ ему великое дѣло — Боговѣдѣнія и самопознанія. Блаженъ кто, достигнувъ старости, научится читать эту книгу и уразумѣть — простой для простыхъ, мудреный для мудреныхъ языкъ ея.— Тогда, на каждой страницѣ этой книги откроется человѣку смыслъ всей прошедшей его жизни; тогда онъ пойметъ, чего желалъ, куда стремился, чѣмъ волновался, вѣчно недовольный и вѣчно

жаждущій, чего ожидалъ каждый день и часъ въ раннюю и позднюю свою пору, не понимая своего ожиданія. И по мѣрѣ того какъ старецъ станетъ углубляться въ чтеніе прошедшаго, это смутное ожиданіе чего-то неизвѣстнаго, какого-то невѣдомаго счастья, превратится у него въ тихое и ясное ожиданіе извѣстнаго блага,— ожиданіе Христа Господня, Надежды Израилевой... Придетъ наконецъ день, когда отворятся для старца двери храма, и Духъ Господень призоветъ его войти, и встрѣтить Желаннаго, и благословить Бога и сказать: «нынѣ отпущаеши раба Твоего Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ».

5 Апрѣля 1859.

Вербная Суббота.

Какую радость пробуждаетъ въ душѣ моей звонъ колокола къ торжественной всенощной нынѣшняго дня! Сколько свѣтлыхъ воспоминанiй! Ребенку только что вышедшему изъ колыбели, только что начинающему ходить, уже знакомъ, уже прiятенъ видъ вербы. Ее приносила ему въ постель отъ заутрени старая няня, ею слегка ударяла по одѣялу, приговаривая ласковыя слова, ее потомъ отдавала ему, и, еще лежа въ своей постелькѣ, долго игралъ малютка гладкими красными прутьями, сдирая съ нихъ ароматную кору и любуясь красивыми бархатными бѣлыми барашками: изъ нихъ потомъ цѣлый день составлялъ онъ свое стадо и гонялъ его по столу въ разныя стороны.

Потомъ—въ раннемъ дѣтствѣ—какое веселое утро было утро субботы: по улицамъ носятъ раскрашенныхъ и раззолоченныхъ херувимовъ на вербѣ, на длинныхъ шестахъ носятъ клѣтки съ пѣвчими птицами,—безпрестанно раздаются пѣвучіе крики разнощиковъ. Весеннее солнце глядитъ привѣтливо въ окно; оно такъ и вызываетъ выпроситься съ няней на гулянье подъ вербами, гдѣ такъ много дѣтей и игрушекъ; да и безъ гулянья, на широкомъ дворѣ начинающемъ уже высыхать, столько новыхъ, разнообразныхъ удовольствій! Тамъ кудахтаютъ курицы, недавно еще выпущенныя изъ зимняго заточенія, кричитъ пѣтухъ, какъ будто зоветъ скорѣе весну, тепло и зелень; обсохнувшія доски и бревна давно ужъ манятъ мальчика походить и попрыгать по нимъ черезъ ручьи тающаго снѣга, и строить мостки и пускать кораблики...

Приходитъ вечеръ. Давно уже мальчикъ осаждалъ мать неотступными просьбами взять его въ церковь, гдѣ, по ея же словамъ, всѣмъ такъ хорошо и весело, гдѣ всѣ стоятъ съ вербами и свѣчами, откуда всѣ возвращаются, встрѣтивъ Христа, съ улыбкою и пѣснью. Что то невѣдомое и таинственное представляется во храмѣ юному воображенію: какъ тамъ должно быть

хорошо и свѣтло, какъ должно быть весело стоять вмѣстѣ со всѣми, держа въ рукѣ горящую свѣчку, на длинной вѣткѣ. И вотъ, наконецъ, мать, послѣ нѣсколькихъ годовъ упорнаго отказа, рѣшается взять съ собою въ церковь дитя свое. Боже мой—какая радость! Мама, когда же зажгутъ свѣчки? спрашиваетъ ребенокъ, и ждетъ не дождется желанной минуты. Вотъ, наконецъ, пришла она! Мать сама зажгла ему свѣчку, налѣпила на вербу и дала ему въ руки, и стоитъ онъ первое время въ какомъ то смущеніи, но въ тоже время гордый тѣмъ, что и онъ, также какъ и всѣ большіе, стоитъ со свѣчой, и сердце прыгаетъ отъ волненія. «Молись», шепчетъ ему мать. «Христосъ идетъ». Таинственный трепетъ ожиданія впервые нападаетъ на душу, и точно кажется ребенку, что здѣсь Христосъ, о Которомъ такъ много говорила ему мать еще нынѣшнимъ утромъ, и онъ видитъ передъ собою картину изъ большой своей книги, какъ шествуетъ Христосъ сѣдя на осляти, посреди народа, столпившагося на улицѣ, облѣпившаго заборы и кровли, какъ стелютъ Ему по дорогѣ ковры и одежды, какъ матери подносятъ Ему дѣтей и дѣти кричатъ Ему: осанна! И долго послѣ того чудится ребенку торжествен-

ная картина, когда на другой день играетъ онъ принесенною изъ церкви вербою и лѣпитъ фигуры изъ своей свѣчки. И на другой годъ, едва подходитъ весна, онъ уже нетерпѣливо спрашиваетъ у матери: скоро ли вербы? скоро ли вербы? скоро ли вербы? скоро ли пойдемъ въ церковь и зажжемъ опять свѣчки?

Сладкій трепетъ чудеснаго! святое ожиданіе! безсознательное чувство радости, обнимающей дѣтскую душу! Знаетъ ли еще васъ душа человѣка, далеко оставившаго за собою дѣтство со всей безсознательностью чистыхъ его впечатлѣній? Счастливъ тотъ, на комъ хоть отблескъ этого дѣтскаго чувства отражается поздней порою жизни въ церковномъ праздникѣ Вербнаго Воскресенья.

Стану я въ церкви, затеплю свѣчу свою, возьму въ руки пушистую вербу: Боже, зажги святой огонь въ душѣ моей, воскреси въ ней [illegible]ное чувство, какъ воскресла жизнь весною въ моей молодой вербѣ! Вотъ, вокругъ меня стоятъ дѣти и бережно держатъ свои вербы и пристально смотрятъ на пламя свѣчи своей. Посмотрю на нихъ и вспомню, какъ я былъ младенцемъ и младенчески стоялъ передъ Тобою въ дѣтской радости и беззаботно игралъ передъ Тобою въ

ожиданіи твердой мысли и яснаго сознанія. Посмотрю, и сердце мое растаетъ передъ Тобою, если Ты поможешь мнѣ растопить его, и снова забьется живою вѣрою и любовью къ Тебѣ, и опять послышится въ немъ голосъ матери: «молись, дитя мое, вотъ Христосъ идетъ!» И пусть затѣмъ услышу я, какъ бывало прежде, тихую поступь осляти и шелестъ ризъ Христовыхъ, и робкіе голоса дѣтей и громкіе народные клики «осанна Сыну Давидову»,—и самъ изъ глубины потрясеннаго сердца, воскликну вмѣстѣ съ ними: осанна!

Что же я сдѣлаю? Что принесу Христу Побѣдителю? Мало одного клика, который самъ собою выходитъ изъ сердца,—я хочу отдать Ему—что—свое... Отдамъ ему одежду, въ которой пришелъ сюда. Отдамъ ему заботу обо всемъ, что любилъ и о чемъ думалъ цѣлое утро и цѣлый день въ житейской тревогѣ, отдамъ всѣ планы, которые строилъ, всѣ дѣла, которыя дѣлалъ и задумывалъ дѣлать, отдамъ память о вчерашнемъ и расчеты на завтрашній день, отдамъ скорби прожитыхъ дней и счастье, которое Онъ посылалъ мнѣ, отдамъ Ему похвалу людскую, которая такъ срастается съ душою, и людское осужденіе, которое такъ скоро отъ нея

отпадастъ, отдамъ сознаніе достоинства и подвига, довольство труда, успѣхъ самостоятельной мысли, — отдамъ все, что выростила въ душѣ и чѣмъ облекла ее жизнь вседневная, и останусь передъ Нимъ нагъ — какъ младенецъ, съ простымъ дѣтскимъ чувствомъ, съ простою дѣтскою радостью...

Господи, пошли мнѣ такое чувство на этотъ часъ, чтобы я могъ встрѣтить Тебя какъ мнѣ хочется, какъ жаждетъ душа моя! И пусть оно придетъ ко мнѣ опять въ ту рѣшительную минуту, когда Ты въ послѣдній разъ мнѣ явишься - взять мою душу. Пусть и тогда — не останется на мнѣ ни одной одежды, сотканной земною жизнью, чтобы я могъ и тогда съ дѣтскою радостью встрѣтить Тебя и сказать съ послѣднимъ дыханіемъ: Осанна! Ей, гряди Господи Іисусе!

11 Апрѣля 1864.

Вербная Суббота.

Праздникъ на улицѣ — зашевелилась толпа, и повсюду, куда ни пойдешь, встрѣчаются сіяющія лица, точно у всѣхъ тяжесть будничная спала съ души, точно всѣмъ вольнѣе стало дышать въ Божьемъ мірѣ, точно всѣмъ захотѣлось открытымъ взглядомъ окинуть міръ и встрѣтить взглядъ другого человѣка; развязалась рѣчь и мягче стало выраженіе лицъ, и какъ будто, говоря съ ближнимъ дружно и весело, «отъ избытка сердца уста глаголютъ». Дѣти идутъ съ гулянья съ вербами и съ игрушками, и позади, взрослые, провожая дѣтей, будто и сами подѣтски радуются. У стараго не сходитъ съ лица улыбка, и, эта молодежь, что каждое утро и вечеръ радуется жизни, сегодня какъ будто особенно веселится и радуется.

Строгій моралистъ, суровый проповѣдникъ, готовъ, при видѣ кочующей толпы, спрашивать: — кто изъ числа многихъ хранитъ въ себѣ священную память праздника и привыкъ святить жизнью и дѣломъ день Господень? Напрасный вопросъ, ибо предъ нимъ всѣ мы безотвѣтны. Но сегодня — церковь не спрашиваетъ отвѣта. Сегодня — въ праздникъ Свой — Богъ затворилъ черную бездну, куда страшно заглянуть грѣшному человѣку, и положилъ на верху ея печать Своей благодати.

Радуются дѣти. Пусть вспомнитъ, кто былъ ребенкомъ, — зналъ ли онъ чему радовался. Но эта радость легла у взрослаго въ душѣ основаніемъ всякой земной радости: она — первое звено всѣхъ праздниковъ его жизни. Въ дѣтской душѣ праздничная радость полагаетъ зерно благодати «и спитъ человѣкъ и встаетъ ночью и днемъ: а какъ сѣмя прозябаетъ и вырастаетъ не знаетъ самъ». Въ дѣтской душѣ воспоминаніе праздничной радости оставляетъ лучезарный свѣтъ, который, самъ, невѣдомо, отсвѣчиваетъ далеко изъ здѣшней жизни и въ будущую, то застѣняется и тускнѣетъ, то поднявшись изъ невѣдомой глубины душевной вдругъ осіяетъ всего человѣка, и не различишь какіе лучи

принесло прошедшее и какія грядущее послало имъ на встрѣчу, ибо въ душѣ человѣческой тайна Божія совершается. И такъ иногда, послѣ многихъ лѣтъ сна душевнаго, забвенія, невѣденія и страсти, вдругъ поднимается въ усталой душѣ потухшая заря дѣтскаго праздника и озаритъ ее, сгонитъ тѣни, разобьетъ крѣпкіе узлы сомнѣнья и поставитъ человѣка передъ Богомъ въ новомъ чувствѣ праздничнаго веселія.

Иной простой человѣкъ не устоялъ до конца въ праздничной одеждѣ и смѣшалъ праздникъ съ грязью житейской нужды, съ грязью грубаго веселья и грубой привычки... Но какъ знать, какую долю праздничной радости далъ ему Богъ, когда съ восходомъ солнца осіялъ его праздничнымъ свѣтомъ: — какъ знать, можетъ быть доля его была богаче нашей, и глубже чѣмъ намъ, чувство легло ему въ душу, и раньше чѣмъ намъ, отразится ему въ часы горя и тьмы душевной. Всѣмъ намъ праздникъ отворяетъ двери храма, и во храмѣ свѣтитъ «тихій свѣтъ святыя славы отца небеснаго», — одному меньше, другому пространнѣе, одному отразится на порогѣ, другаго осіяетъ внутри храма. Пройдетъ пора, затворятся двери, но остается въ душѣ сладость блаженнаго созерцанія. И мы стоимъ

передъ дверьми, и стучимъ, и зовемъ грѣшною душой: отвори, Господи! Что, если этой простой душѣ, безъ зову и безъ усилія, отворились настежь двери и явилась слава Господня, и показавъ ей свѣтъ свой, Господь отпустилъ ее съ миромъ?

Гуляютъ безпечные и гордые юноши, и точно не чествуя праздника, проходятъ мимо святыни съ легкомысленной улыбкой... Но что же привело ихъ сюда, въ праздничной толпѣ? [illegible] что же заставляетъ и ихъ бодрѣе и веселѣе вчерашняго смотрѣть на міръ Божій, — чтоже какъ не праздничное народное чувство, которое, имъ самимъ не вѣдомое, ими самими можетъ быть отрицаемое, безсознательно таится въ глубинѣ души и подымаетъ въ ней неслышною силой ключи жизни? И на нихъ лежитъ печать дара Божія: — пускай еще не признанъ и не тронутъ этотъ даръ, но и имъ онъ данъ не напрасно: и въ нихъ подъ печатью лежитъ зерно истины и благодатнаго вѣденія. Когда оно воспрянетъ — какъ знать? про то вѣдаетъ Богъ источившій воду изъ камня, изъ сухаго дерева возрастившій зеленую вѣтвь. И у нихъ въ душѣ хранится память дѣтства, но ключи ихъ не на вѣки запечатаны. Намъ сегодня радость «общаго воскре-

сенія», и верба наша гласитъ намъ вѣсть о вѣчной жизни и о побѣдѣ надъ смертью. Пусть несутъ свою вербу и они вслѣдъ за народомъ, пусть не знаютъ сами чему вмѣстѣ съ народомъ радуются: настанетъ и для нихъ время. Господь пришелъ «взыскати и спасти погибшія!»

Станемъ радоваться не смущаясь, что всякій радуется по своему. Праздникъ Господень освѣтилъ вселенную и на всѣхъ безъ разбора свѣтитъ. Въ сей день егоже — всѣмъ людямъ сотворилъ Господь, возрадуемся и возвеселимся со всѣми людьми Его!

30 Марта 1863.

Великая Суббота.

Вчера видъ Его былъ безчестенъ, умаленъ паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ. Ученики Его разбѣжались, толпа которая ходила за Нимъ въ изумленіи и славила чудеса Его, противъ Него обратилась, когда увидѣла Его низложеннымъ, униженнымъ, осужденнымъ, распятымъ.

Но сегодня — покой Его честь. Странствуя по землѣ Іудейской, Онъ не имѣлъ гдѣ главы подклонить. Умеръ Онъ. — Богатый и знатный человѣкъ устроилъ Ему погребеніе и положилъ Его въ своемъ гробѣ, «и возваливъ камень велій надъ двери гроба отъиде». Еще только что настало утро, еще не запечатанъ гробъ, еще не приставлена Іудейская стража. Гдѣ вы въ эту минуту, всѣ тѣ кто любилъ Его, кто ходилъ съ

нимъ, кто держитъ Его въ сердцѣ и тихо по немъ плачетъ?

Вотъ, жены послѣдовавшія за Нимъ, сидятъ прямо гроба: онѣ стояли у креста, онѣ видѣли какъ страдалъ Онъ, онѣ смотрѣли какъ погребали Его, и теперь еще не въ силахъ отойти отъ того мѣста гдѣ лежитъ Его тѣло. Петръ — еще до распятія, — исшедъ вонъ, плакася горько: онъ не смѣлъ идти ко кресту, онъ и теперь горько плачетъ въ уединеніи, и тѣмъ уже показалъ, что о себѣ плачетъ въ эту минуту, а не о Томъ кого такъ горячо клялся любить до крови и до смерти. У него *свои* слезы: о, какъ горьки должны быть такія слезы, потому что ни съ чьими слезами не могли смѣшаться въ одно общее чувство. Другіе ученики — гдѣ они? они разбѣжались въ страхѣ, думая о своемъ спасеніи; они не были у Креста Господня, они не видали страданій Іисусовыхъ — они узнаютъ отъ другихъ какъ онъ страдалъ, какъ былъ поруганъ, какъ при кончинѣ взывалъ къ Отцу небесному: вскую мя оставилъ еси? Слышатъ — и думаютъ: кто же былъ Онъ? Мы видѣли силу Его, видѣли чудеса Его, слышали слово Его — и вотъ Его побѣдили враги, и Богъ, Котораго Онъ называлъ отцомъ Своимъ, Его оставилъ.

«Мы же надѣяхомся яко сей есть хотяй избавити Израиля». Плачутъ ли они? Да, они плачутъ, потому что любили человѣка — но въ ихъ душѣ сомнѣніе? въ ихъ умѣ вопросы практической жизни. Они уже думаютъ: что намъ дѣлать теперь, — и вотъ, Господь, по воскресеніи, застанетъ ихъ снова за прежнимъ промысломъ.

Одинъ не оставилъ Его — возлюбленный ученикъ Его, тотъ кто на вечери склонялъ голову на перси къ нему, тотъ кто послѣдовалъ за нимъ во дворъ Анны, хотя и «знаемь бяше архіерееви». Любовь Іоанна не знала страха; онъ вмѣстѣ съ матерью Іисусовой стоялъ у креста Его, онъ, вмѣстѣ съ нею, съ первой до послѣдней минуты прожилъ всю страшную исторію суда, поруганій и мученій Спасителя. Видно онъ любилъ, подобно тому какъ любитъ мать просто, безъ размышленья, безъ мысли о себѣ, безъ заботы о томъ что будетъ, — горячею, но простою, полною, цѣльною любовью, которая ни о чемъ не спрашиваетъ, ничего не изслѣдуетъ, въ которой нѣтъ мысли о мѣрѣ преданности, такъ какъ нѣтъ мысли о возможности сомнѣнія, уклоненія или измѣны. Отъ того, вѣдая простоту этого сердца, умирающій Спаситель этому

сердцу поручилъ заботу о матери своей. «Жено! се сынъ твой. Се мати твоя!»

«И отъ того часа поятъ ю ученикъ во своя си». И такъ она у него въ домѣ, и конечно вмѣстѣ плачутъ они, если могутъ плакать; вмѣстѣ хранятъ въ тайнѣ безмолвія и вѣры, какъ святыню и сокровище — память объ усопшемъ, и любовь, которая слилась со всею ихъ жизнью, со всѣмъ существомъ ихъ. Сколько было горькой скорби въ свѣжемъ воспоминаніи о страданіяхъ возлюбленнаго, мы не знаемъ, но можемъ представить себѣ, если заглядывали въ ту черную, страшную бездну, которая раскрывается передъ человѣкомъ у смертнаго одра, въ страданіяхъ того, въ кого перешла вся душа безмѣрною любовію. А здѣсь — умиралъ, поруганный и замученный, Тотъ кто былъ красенъ добротою паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ, въ Комъ обитала вся полнота божества тѣлесно, кого Богъ Отецъ назвалъ возлюбленнымъ Своимъ Сыномъ. *Какъ* Его любила, какъ на него смотрѣла Пресвятая Дѣва — матерь, — это можетъ ли понять, можетъ ли изслѣдовать какая бы то ни было земная мать, по сравненію съ своимъ чувствомъ, какъ бы ни было оно глубоко, горячо, безкорыстно и чисто! Слово Божіе не останавливается

на ея любви къ сыну, не разсказываетъ, не описываетъ намъ ея чувствъ и отношеній. Предъ этой любовью должно остановиться въ благоговѣніи изслѣдованіе любви человѣческой. — и если гдѣ, то здѣсь является намъ любовь — таинствомъ. Какимъ бы огнемъ ни горѣла любовь сердца человѣческаго на землѣ, — этотъ огонь земной; ибо здѣсь *Я* человѣческое приражается къ другому *Я*, плоть говоритъ языкомъ плоти и духъ любитъ «въ ревности». Но какимъ именемъ назвать, какимъ свойствомъ объяснить таинственную любовь Пресвятой Дѣвы къ Сыну-Богочеловѣку, какъ въ этомъ чувствѣ ея отдѣлить полноту любви отъ полноты вѣры? И любовь и вѣра въ немъ едино, безъ раздѣленія, безъ смѣшенія. Такъ любитъ Бога смиренная душа человѣческая, объятая радостью и трепетомъ въ чувствѣ присутствія Божія: любитъ не видя, но только вѣруя. И Она — вѣровала вѣрою человѣческой, вѣровала въ сына, возвѣщеннаго Ей ангеломъ Благовѣщенія; но этого сына въ Кого вѣровала, Она и видѣла! Она Его держала и пеленала и кормила и хранила Его и воспитывала и «болящe искала Его» человѣческою заботой, и ходила за нимъ, и слушала Его и видѣла дѣла Его во плоти, и во всей

полнотѣ Ея Божественной любви пребывала нераздѣльно любовь къ сыну человѣческому. И отъ того, — какова бы ни была Ея вѣра въ вѣчную жизнь и воскресеніе Сына, — какъ ей было не страдать, — и кто измѣритъ глубину, кто исповѣдаетъ горечь Ея страданія. Оно извѣстно Ему одному, Тому кто, вѣдая Божество и видя славу Свою, въ тоже время чувствовалъ природою человѣческой что «прискорбна душа Его даже до смерти», и молилъ Отца, аще возможно, пронесть мимо смертную чашу. Въ торжественномъ покоѣ великой Его субботы было ли мѣсто и покою великой скорби сердца материнскаго?

О, великое таинство субботы, таинство любви и вѣры, таинство креста и страданія, таинство жизни и смерти! Въ этомъ гробѣ, за этимъ камнемъ, подъ этою печатью «да молчитъ всякая плоть человѣча и да стоитъ со страхомъ и трепетомъ и ничтоже земное въ себѣ да помышляетъ».

22 Апрѣля 1861.

Свѣтлая ночь Воскресенія.

Пришелъ великій вечеръ. Огни погашены. Въ домѣ настала тишина. Всѣ улеглись на покой въ ожиданіи торжества. Шумъ на улицахъ умолкъ: и тамъ все чего-то ждетъ, къ чему-то готовится. Только въ моей комнатѣ свѣтится еще огонь, и изъ тишины, которая окружаетъ меня, слышатся голоса таинственной ночи, голоса далекаго и близкаго прошедшаго.

Какъ много говорятъ они мнѣ — нѣтъ, не просто говорятъ, а шепчутъ, лаская чувство, и будятъ одно за другимъ воспоминанія дѣтства и юности. Вся жизнь моя прошла въ этомъ тихомъ пріютѣ. Здѣсь висѣла колыбель моя, здѣсь потомъ, между кроватями братьевъ и сестеръ, стояла моя дѣтская кроватка. Здѣсь, у окна,

сидѣла и приговаривала меня ко сну старая няня. Никогда уговоры ея не были такъ усердны и убѣдительны, какъ въ этотъ вечеръ, подъ праздникъ Святого Воскресенія, и никогда дѣтское упрямство не было такъ настойчиво. Какъ можно заснуть вечеромъ, когда цѣлый день былъ одною веселою пѣснію о той радости, какая будетъ завтра, когда съ самаго утра начинался рядъ тѣхъ необыкновенныхъ явленій, которыя всегда совершаются въ домѣ передъ большимъ праздникомъ и всего болѣе привлекаютъ и занимаютъ дѣтское воображеніе. Вчера еще кончилось цѣлыхъ два дня продолжавшееся мытье, чищенье и убиранье: сегодня съ утра цѣлый домъ смотритъ заново, свѣжъ, выметенъ и украшенъ: новымъ духомъ вѣетъ отъ него, духомъ радостнаго ожиданья. А сегодня начались новыя работы; сегодня какъ только пришли отъ обѣдни,— всѣ занялись малыми дѣлами — готовятъ платья, красятъ яйца; дѣти перебираютъ свои игрушки и, подражая большимъ, чистятъ и моютъ маленькое свое хозяйство. Сколько новыхъ толковъ поднялось въ этомъ маленькомъ мірѣ, сколько суеты и заботъ о томъ, что для взрослаго давно потеряло всякую цѣну, а для ребенка составляетъ важное дѣло, великое

событіе! Завтра «Христосъ воскресъ!» завтра праздникъ! и никогда не понять взрослому, сколько прелести для ребенка въ одномъ этомъ словѣ: праздникъ! Старшія дѣти знаютъ, что они пойдутъ къ заутрени вмѣстѣ съ большими, и вмѣстѣ съ большими улеглись они спозаранку въ ожиданіи ночи. Старшія дѣти хотятъ спать и не могутъ: маленькія дѣти могутъ и не хотятъ. И какъ имъ спать, когда отовсюду изъ кроватей слышится шопотъ, слышатся отрывистые переговоры о томъ, что завтра будетъ, что было сегодня. Какъ имъ спать, когда изъ каждаго угла, при свѣтѣ лампады, глядитъ таинственный образъ праздника!

Но усталость беретъ свое. Не удалось уговорить мать, чтобы взяла съ собою въ церковь, уговариваешь няню: няня! милая! Разбуди меня, когда пойдутъ вокругъ церкви! — И няня обѣщаетъ, она обѣщала бы все на свѣтѣ, лишь бы угомонился ребенокъ. Но изъ другихъ кроватокъ старшіе счастливцы отвѣчаютъ смѣхомъ на обѣщанья няни, — и опять поднимается неугомонный ребенокъ, и опять уговариваетъ няню и опять заставляетъ ее въ десятый разъ обѣщать, что сдѣлаетъ, не забудетъ. Старая няня, кажется въ самомъ дѣлѣ не забудетъ: она такъ

сердится на старшихъ шалуновъ, что смущаютъ ребенка и не даютъ заснуть ему. И дремлешь въ сладкой надеждѣ; но страхъ, что няня обманетъ, пересиливаетъ сонъ, и еще разъ полузаснувшій ребенокъ заставляетъ няню повторить свое обѣщанье.

Заснулъ! говоритъ няня.— Слава Тебѣ Господи! Крѣпокъ дѣтскій сонъ: завтра совсѣмъ будетъ свѣтло, когда проснется дитя, убаюкиваемое сладкимъ обѣщаньемъ, и готово заплакать, когда видитъ, что ночь прошла, и прошла свѣтлая заутреня. Но какъ плакать,— когда ужъ явился праздникъ и такъ весело взглянулъ въ лицо, и около постели стоитъ няня, стоятъ братья и сестры, и цѣлуютъ и смѣются и отовсюду слышится: Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!

Но и въ крѣпкомъ снѣ не засыпаетъ иногда свѣтлая надежда ребенка. Случалось, она будила меня въ ту минуту, когда по всей Москвѣ носится таинственный гулъ, и тысячи мѣдныхъ голосовъ сливаются въ первую пѣсню воскресшему Спасителю. Случалось — вскакивалъ ребенокъ, и няня, оставшаяся дома, подносила его къ окну и показывала ему сверкающіе огни на колокольняхъ и свѣтильники воскреснаго хода. На ми-

нуту затихало все въ комнатѣ, и ребенокъ полусонный, полупроснувшійся прислушивался вмѣстѣ съ старухою къ послѣднимъ звукамъ церковнаго перезвона, и потомъ засыпалъ онъ снова въ своей постелькѣ, а старая няня дребезжащимъ голосомъ пѣла: Христосъ Воскресе! и — Свѣтися, свѣтися. И вотъ то, что видѣлось и слышалось тогда сквозь сонъ, теперь, какъ сладкій сонъ, видится и слышится изъ туманнаго, изъ далекаго прошедшаго...

Первая заутреня! Боже мой, какъ билось сердце, когда наконецъ въ первый разъ мать рѣшилась взять съ собою дитя свое къ свѣтлой заутрени. Укладываютъ спать, спать не хочется — и только ждешь, когда, часъ за часомъ, наступитъ желанное время. Вотъ наступило оно. Послѣ тишины, въ которую погрузился цѣлый домъ, поднимается внизу и вверху и во всѣхъ углахъ его радостный шумъ приготовленія къ заутрени. Одѣтый по праздничному, ночью идешь по темной еще улицѣ — не звонили еще, въ церкви темно, но она уже полна народомъ, всякій спѣшитъ занять свое мѣсто, и стоятъ всѣ одѣтые по праздничному, съ новыми свѣчами, и носится по всему храму таинственный шепотъ ожиданія.— Зажигаютъ свѣчи въ большихъ паникали-

лахъ, которыя никогда, кажется, не зажигали. Какъ стало свѣтло — какъ полна народомъ церковь, какъ весело всѣ глядятъ, и какъ весело глядѣть на всѣхъ. И вотъ, вдругъ кто-то возлѣ перекрестился, заслышавъ ударъ соборнаго колокола — въ самомъ дѣлѣ — ударили, другой — третій и понеслись хоромъ чудные таинственные. звуки, и вотъ наконецъ нашъ, *родной* колоколъ своимъ густымъ гудѣньемъ покрылъ весь хоръ и поглотилъ всѣ звуки. Какъ хорошо, Боже мой! Какъ хорошо стоять возлѣ матери и братьевъ и сестеръ и слушать таинственные голоса и смотрѣть во всѣ глаза вокругъ себя, и ждать, ждать всѣмъ существомъ своимъ.

А дальше — дальше цѣлый міръ новыхъ ощущеній для взволнованнаго ребенка. Вынесли изъ алтаря старыя, гдѣ-то далеко стоявшія иконы, которыхъ никогда еще не видывалъ, сняли съ мѣста хоругви, которыхъ еще ни разу не видывалъ въ движеніи — и запѣли: — «Воскресеніе Твое Христе Спасе», и тронулся крестный ходъ. И вотъ, затворились двери, церковь полна народу, и всѣ зажгли свои свѣчи и у всѣхъ такія спокойныя, важныя лица, и всѣ стоятъ тихо, тихо, не говоря ни слова. Чудно становится ребенку, — смотритъ онъ вокругъ себя — возлѣ

старая няня стоитъ съ зажженнымъ огаркомъ и молится и плачетъ,— братья и сестры и мать смотрятъ прямо въ глаза и не улыбаются,— и тихо все такъ, какъ будто никого нѣтъ въ церкви, и надъ этой тишиной только носится тотъ же торжественный гулъ колоколовъ. Боже — что будетъ — хорошо и странно! Но вотъ за дверями послышались отрывистые звуки возгласовъ священника и отвѣты хора,— и толпа зашевелилась, люди крестятся и молятся и шепчутъ. Вдругъ отворились двери и раздалось громкое: «Христосъ воскресъ!» и въ отвѣтъ ему народъ загудѣлъ свое стоязычное: воистину! И скоро вся церковь запѣла вмѣстѣ съ хоромъ радостныя пѣсни воскресенія.

О, святыя пѣсни, всякому знакомыя, всякому милыя! Кто изъ русскихъ людей не знаетъ и не поетъ васъ и не отвѣчаетъ на ваши звуки всѣмъ своимъ сердцемъ. И ребенокъ, въ первый разъ заслышавъ васъ, чувствуетъ трепетъ праздничной радости, и старикъ, много разъ проводившій Пасху на вѣку своемъ, когда услышитъ васъ, какъ будто снова дѣлается ребенкомъ и празднуетъ Христу дѣтскою радостью. Когда бы ни заслышало васъ мое ухо, когда бы ни представило воображенье свѣтлую ночь Пасхи и цер-

ковь празднующую,— въ душѣ моей разцвѣтаетъ и благоухаетъ праздничное чувство. И дѣтство, милое, давно прошедшее дѣтство смотрится въ нее и въ ней отражается, и снова слышатся въ ней тѣ же надежды и обѣщанія, которыми жила и радовалась душа въ ту благословенную пору. Въ этихъ надеждахъ и обѣщаніяхъ — свѣтъ и надежда цѣлой жизни, отголосокъ вѣчнáго праздника, отблескъ невечерняго дня въ царствіи Христовомъ. Отойдите прочь, горькія заботы! Пусть — чего ждало сердце,— то не пришло,— пусть то, о чемъ вспомнить и подумать страшно, остается въ жизни, пусть стоитъ тутъ со мной, возлѣ меня! Пусть то, чему повѣрило сердце и во что положило себя — то ему измѣнило;— пусть то, что было дороже жизни, оставило жизнь! Пусть то, что казалось правдой и красотой и свѣтомъ,— явилось ложью и тьмой и безобразіемъ! Жизнь — вся какъ есть и со всѣмъ, что есть въ тебѣ,— оставайся,— я не боюсь тебя, потому что съ этимъ ударомъ колокола проклятіе спало съ тебя: въ это мгновенье — Божіе благословеніе озарило тебя вновь, отъ края до края, съ первой до послѣдней минуты, и ты сіяешь, и ты красуешься и блещешь и трепещешь отъ любви Божіей, милая, свѣтлая, благосло-

вечная жизнь! Вся покрыта росою Божіей, вся омытая Кровью моего Спасителя, лучезарная, чистая, безъ конца и безъ мѣры, безъ смерти, безъ горя, безъ потери. Свѣтъ воскресенія Христова открылъ твою истину, и будущее твое слилъ съ настоящимъ и прошедшимъ въ одномъ сознаніи счастья безконечнаго. О, когда бы остановить эту минуту. О, когда бы навсегда удержать въ душѣ эту гармонію, и начать бы жить и не кончить жить — съ однимъ этимъ словомъ, съ однимъ этимъ чувствомъ: «Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!»

12 Апрѣля 1859.

Потерпи Господа въ день Воскресенія Его, потерпи Господа, человѣче! Долго и напрасно, звалъ Онъ и стучалъ въ двери сердца твоего и въ немъ искалъ себѣ храмины, гдѣ главу подклонить — но ты не пускалъ Его. Домъ твой былъ нечистъ и неубранъ, храмина твоя была полна гостей, и отъ утра до утра пѣлись въ ней пѣсни и велись пиры: и всѣ гости твои были Ему недруги. Какъ было Ему войти въ домъ твой, — но Онъ возлюбилъ тебя и восхотѣлъ и тебѣ дать и у тебя Себѣ найти упокоеніе: отъ того не отходилъ Онъ отъ дверей твоихъ и все звалъ тебя и посылалъ къ тебѣ друзей своихъ сказать тебѣ: се, зоветъ Господь. Но ты слушалъ лѣниво; ты велъ шумную бесѣду съ гостьми своими, и выгнать ихъ было тебѣ жаль и стыдно.

Рѣдко, протрезвившись на минуту, отворялъ ты дверь посмотрѣть ждетъ ли Господь, — но вновь на зовъ гостей изъ внутреннихъ комнатъ, затворялись твои двери, и ты запирался опять съ своими друзьями, забывая о гласѣ Господа стоящаго у дверей. Онъ молилъ тебя хоть одну внутреннюю комнату оставить Ему, и въ ней водворить Его въ мирѣ; и ты соглашался, и ты охотно отводилъ Ему комнату въ домѣ своемъ; и сначала съ жаромъ и горячностью Его принялъ: но твои гости и друзья были тебѣ дороже Господа. Имъ отдавалъ ты весь день и всю ночь свою, а къ нему входилъ на одну минуту, чтобы тотчасъ же снова Его оставить. Вотъ, нынѣ, явившись во славѣ, въ день Воскресенія, Онъ осіялъ своимъ свѣтомъ грязный и нечистый домъ твой, и преобразился видъ его, и бѣжали изъ него нечистые собесѣдники. Господь грядетъ къ тебѣ, въ свѣтѣ и торжествѣ; Онъ тебя не забылъ, однажды возлюбивъ тебя, и въ день воскресенія своего хочетъ побыть у тебя въ мирѣ и зоветъ тебѣ: потерпи меня въ день Воскресенія моея! Потерпи — хотя нынѣ, и возрадуйся со Мною.

Іюнь 1861.

Вознесеніе Господне.

Слово плоть бысть и вселися въ ны. Богъ всесильный и непостижимый, Богъ духъ въ свѣтѣ живый неприступномъ — плоть бысть и вселися въ ны. Возлюбивъ насъ, Онъ соединился видимымъ образомъ съ нашею природой и сталъ— единъ отъ насъ, сынъ человѣческій, и мы подошли къ нему и увидѣли въ немъ смертнаго человѣка. Онъ явилъ себя сыномъ Божіимъ въ знаменіяхъ и въ ученіи и въ свидѣтельствѣ Отчемъ; и всѣ видѣвшіе и слышавшіе могли вѣровать свидѣтельствамъ что Онъ слово Отчее, сынъ Божій — и вѣровали, и исповѣдывали. Но какъ ни крѣпка, какъ ни горяча была вѣра, человѣческая природа не могла вмѣстить ее въ себѣ, не въ силахъ была съ полнотою вѣры слить

и примирить въ одномъ цѣльномъ чувствѣ мысль о томъ, что Богъ живетъ посреди насъ, какъ единъ отъ насъ. Во своя прінде — и свои Его не пріяша. Елицы же пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божіимъ быти, вѣрующимъ во имя Его, иже не отъ плоти... но отъ Бога родишася. Но и эти избранные, и эти чада Божіи — были тоже люди съ слабою природой человѣческой. Они видѣли ежедневно рядомъ съ собою — сына Божія, и сколько ни любили Его, сколько ни вѣровали, сколько ни видѣли дѣлъ Его, не могли не соблазниться. Не одинъ изъ нихъ спрашивалъ себя въ недоумѣніи: нашъ Мессія, сынъ Бога Живаго — онъ ли это? Онъ ли это ѣстъ и пьетъ, и прикасается къ сквернѣ человѣческой — и возлежитъ съ мытарями и грѣшниками? Онъ ли это — извѣстнаго рода, и извѣстной матери, рожденный на землѣ и на землѣ взросшій съ дѣтьми человѣческими? Онъ ли это, носитъ одежду человѣческую, и подчиняется закону, и подати платитъ чужеземной человѣческой власти? Онъ ли это — любитъ и скорбитъ какъ человѣкъ, и проливаетъ слезы человѣческія о тѣхъ кого любитъ? Онъ ли это, Мессія, — Богъ, Который неизвѣстно откуда приходитъ и невѣдомо гдѣ пребываетъ и во славѣ и въ силѣ является? Тво-

рилъ ли Онъ чудеса повергавшія всѣхъ въ ужасъ и изумленіе, — говорили: пророкъ велій воста въ насъ и посѣти Богъ людей своихъ, — но вспоминали о прежнихъ пророкахъ творившихъ чудеса, и въ недоумѣніи спрашивали себя: Онъ Мессія — отъ чего же вся природа наша окрестъ Его не измѣняется, и какъ это — Богъ посреди насъ, а мы и все вокругъ насъ остается по прежнему. Отъ чего — при Немъ и около Него остаются наши болѣзни, люди умираютъ и бѣдствуютъ какъ прежде, человѣкъ воздѣлываетъ землю въ потѣ лица своего, чужеземная власть угнетаетъ народъ Божій, беззаконные беззаконнуютъ и неправда властвуетъ надъ правдой? Онъ-ли это, тотъ кого мы ждали, въ комъ чаяли избавленіе отъ неволи, отъ угнѣтенья, отъ бѣдствій: — отъ чего не настаетъ царство правды и свободы и счастія? Онъ ли это — избавитель и царь — проповѣдуетъ намъ законъ терпѣнья и блаженство страданія и неволи? Гдѣ же власть Его и сила? Сотворитъ ли Онъ великое чудо — за восторгомъ и изумленіемъ слѣдуетъ соблазнительная мысль о томъ, каково будетъ новое чудо Его, въ чемъ Онъ Себя откроетъ, — и каждое чудо возбуждаетъ ненасытимую жажду новыхъ чудесъ. Насытилъ Онъ народъ въ пустынѣ — и

родится мысль: отъ чего же, если это Богъ одождившій манну, — отъ чего только тѣ насытились, кто былъ съ нимъ, — а цѣлыя тысячи не бывшихъ, голодаютъ въ землѣ Іудейской? Отъ чего и тѣ что насытились сегодня отъ руки Его, завтра должны по прежнему добывать себѣ хлѣбъ въ потѣ лица своего? Отъ чего здѣсь Онъ разслабленнаго возставилъ, мертвую воскресилъ, слѣпому возвратилъ зрѣніе, — а тамъ — тысячи гибнутъ отъ меча Иродова, сотни задавлены башнею Силоамской? Отъ чего онъ самъ не знаетъ гдѣ главу приклонить, и ученикъ покупаетъ для него и для себя хлѣбъ изъ скуднаго денежнаго запаса? Онъ говоритъ о царствіи — и вѣруютъ и плачутъ отъ умиленія, — а на утро завязывается между учениками споръ о томъ, кому изъ нихъ въ этомъ царствѣ занять возлѣ Него первое мѣсто! А въ ту ночь когда Его, какъ преступника, схватили и связали — всѣ соблазнились объ немъ, и прежде всѣхъ тотъ соблазнился, кто исповѣдалъ Его: ты еси Христосъ сынъ Бога живаго. Любовь его была горяча, но вѣра его не въ силахъ была вынесть противорѣчія дѣйствительности съ тѣмъ живымъ представленіемъ объ учителѣ, которое онъ себѣ составилъ. Въ связанномъ и поруган-

номъ плѣнникѣ Онъ не въ силахъ былъ узнать того кого призналъ сыномъ Бога живаго, и вѣра его поколебалась. А когда Онъ съ беззаконными вмѣнился, когда висѣлъ на крестѣ какъ послѣднiй изъ злодѣевъ, въ комъ еще могла оставаться вѣра въ Богочеловѣка? Въ эту минуту враги Его съ злобною усмѣшкой и въ слѣдъ за ними чернь съ горькимъ презрѣнiемъ звали къ нему: если Ты сынъ Божiй, сойди со креста: когда увидимъ, тогда и увѣруемъ въ Тебя. И если съ тою же мыслью не обращались къ нему въ эту минуту тѣ кто любилъ Его и ходилъ съ Нимъ, конечно, одна любовь, та горячая, и простая любовь, что не справляется съ вѣрой и не спрашиваетъ о возлюбленномъ: кто Онъ? одна она дѣлала эту мысль невозможною. А вѣра, одна вѣра человѣческая — и въ нихъ не вынесла бы этого страшнаго зрѣлища. «Мы же надѣяхомся яко сей есть хотяй возставити Израиля!».

Но вотъ, Онъ воскресъ, — и празднуетъ пораженная любовь, и оживаетъ умершая вѣра! Узнаетъ Христа — учителя, и видитъ — Онъ Самъ, но не тотъ что былъ прежде, не тотъ что скитался въ уничиженiи по путямъ и стогнамъ «дондеже изведетъ въ побѣду судъ». Узнала Его Марiя и зоветъ: Учитель! и въ восторгѣ

готова броситься къ Нему — и слышитъ — «не прикасайся мнѣ!» Узнали его ученики за трапезою въ Эммаусѣ — и прежде чѣмъ успѣли закричать Ему отъ полноты сердца: Учитель! — Онъ уже «невидимъ бысть има». Онъ является имъ потомъ, Онъ вкушаетъ у нихъ рыбу и медъ, Онъ даетъ Ѳомѣ осязать Себя — но уже не дѣлитъ съ ними дня и ночи и трапезы, и неосязаемо является, и неосязаемо оставляетъ ихъ, и думая о Немъ они говорятъ: *Господь!* и чувство любви къ человѣку сливается у нихъ съ трепетомъ благоговѣнія къ Господу. Уже не ходятъ они съ Нимъ, и только — ждутъ Его, у своего промысла, у своего дѣла, за которое каждый вновь принялся, будто оставивъ то дѣло за которымъ ходили вмѣстѣ вслѣдъ за Христомъ. Они *видятъ* своего Господа тѣлесными очами. Это ихъ праздникъ: но празднику недолго длиться — и придетъ день Вознесенія. Нельзя человѣку въ тѣлѣ оставаться надолго въ томъ состояніи, въ которомъ находились апостолы по воскресеніи, и воистину сказалъ имъ Христосъ: уне вамъ есть да иду отъ васъ. Какъ имъ жить съ вѣрою и видѣніемъ, какъ вынесть то и другое вмѣстѣ? Какъ удержать въ себѣ всю цѣлость вѣры — когда есть видѣніе? Какъ уберечь въ

чистотѣ мысль свою о Господѣ, Котораго живымъ видятъ предъ собою, какъ остеречься чтобы не исказить въ представленіи образъ Господень видимый тѣлесными очами? Какъ видимое совмѣстить съ невидимымъ? Какъ не соблазниться желаніемъ сердца человѣческаго, приступая съ нимъ къ Тому, въ Комъ исчезаютъ и объединяются желанія и Кто одинъ вѣдаетъ добро и зло и истину и начало и конецъ всего сущаго? Вотъ — въ прославленной плоти Своей Онъ является имъ и говоритъ имъ словеса духа и жизни «еже о царствіи Божіемъ», а они еще вмѣстить не могутъ! Они еще, сошедшись, вопрошаютъ Его: Господи! аще въ лѣто сіе устрояеши царство Израилево? — Они думаютъ все еще о земномъ царствѣ Израилевомъ.

Но пришелъ день Вознесенія. Онъ вознесся отъ нихъ на небо, сказавъ имъ что будетъ съ ними во вся дни до скончанія вѣка, и что пошлетъ обѣтованіе Отца Своего на нихъ. — Они не видятъ Его — видѣніе отъ нихъ отнято, — но какъ все въ нихъ измѣнилось вѣрою! Только съ того времени какъ Онъ вознесся отъ нихъ на небо, они узнали Его и почувствовали въ себѣ обѣщанную крѣпость, обѣщанную радость, которой никто уже не отниметъ. Не видятъ тѣлесно

Христа сына человѣческаго, но никогда не чувствовали такъ близко присутствіе сына Божія Богочеловѣка. Всѣ они въ себѣ носятъ Христа Духомъ Святымъ, всѣ уразумѣли силу царствія и, не боясь смерти, идутъ проповѣдывать Его по вселенной. Нечѣмъ уже смущаться въ Немъ, когда онъ вознесся во славѣ и возсѣлъ одесную Бога, — нечего желать, когда одно явилось сокровище на небѣ, всѣмъ равно близкое, всѣмъ равно желанное; нечего спорить о томъ кто къ нему ближе, когда Онъ, вознесшись отъ земли, всѣхъ привлекъ къ себѣ и всѣхъ призвалъ въ свободу чадъ Божіихъ, нечего помышлять о царствѣ Израилевомъ, когда всемірное царство Божіе открылось и каждый въ себѣ ощутилъ «правду и миръ и радость о духѣ святѣ».

И теперь душа христіанская, разгорѣвшись любовію ко Христу, ищетъ видѣнія и скорбитъ о томъ что видѣть не можетъ, не можетъ слышать и осязать Христа своего. Малодушно это желанье! Когда бы вѣра была въ насъ твердая, оно не приходило бы къ намъ. Но вѣры мало въ насъ, и мы въ малодушіи сердца думаемъ: ахъ, когда бы увидѣлъ я Христа тѣлесными очами, когда бы жилъ при немъ, какъ утвердилась бы моя вѣра! Мы забываемъ что вѣру нельзя

согласить съ видѣніемъ, и гдѣ есть видѣніе и ощущенье, тамъ, и именно тамъ, вѣра всего скорѣе ослабѣваетъ. Когда Онъ жилъ на землѣ, «ни братія Его вѣроваху въ Него». Какъ бы ни было горячо стремленіе къ Нему нашего сердца, — любовь Петрова была во сто разъ пламеннѣе; Онъ жилъ съ Нимъ, ходилъ за Нимъ, слушалъ Его, видѣлъ дѣла Его — не въ часъ опасности, вѣра измѣнила Петру и онъ отрекся! Изъ тѣхъ которые кричали: распни Его! сколько было видѣвшихъ Его и чудеса Его, слушавшихъ Его и плакавшихъ отъ умиленія! Іуда былъ ученикъ Его — а что сталось съ Іудою! Сколько было свидѣтелей дивныхъ чудесъ Его, свидѣтелей Лазарева воскресенія — а въ часъ смертный, всѣ — оставльше Его бѣжаша.

Нѣтъ — въ томъ что должно въ цѣлости обнимать всю душу человѣка, въ цѣльномъ сознаніи Бога и вѣчности — не поможетъ намъ видѣніе. Вспомнимъ что сказано о родныхъ Евангельскаго богача: аще кто изъ мертвыхъ воскреснетъ, не имутъ вѣры. Видѣніе только долей и отрывкомъ дѣйствуетъ на ощущеніе человѣческое, видѣніе только поражаетъ человѣка живымъ образомъ; прошло видѣніе, чувство ослабѣло — и въ душѣ родится вопросъ; онъ тре-

буетъ новаго видѣнія, новаго опыта, новаго ощущенья — и нѣтъ конца вопросамъ, и нѣтъ конца сомнѣніямъ. Кто ищетъ преходящихъ образовъ и видѣній чтобы на нихъ утвердить свою вѣру, тотъ не знаетъ чего хочетъ. Вѣрою ходимъ мы, а не видѣніемъ. Когда бы сказали намъ: *се здѣ* Христосъ или *се ондѣ*, мы пошли бы искать Христа внѣ себя, въ томъ или въ другомъ мѣстѣ — и гдѣ бы мы нашли Его? И нашедши Его въ одномъ мѣстѣ, мы стали бы подобно Іудеямъ, по желанію своего сердца и по представленію чувства, судить о томъ, какимъ показался намъ Христосъ, и вообразили бы себѣ Христа Своего, и потомъ, увидѣвъ Его вновь не такимъ какимъ представило Его обманчивое сердце, и мы соблазнились бы, какъ соблазнялись Іудеи, ждавшіе избавленья, просившіе знаменія, какъ соблазнялись Еллины, искавшіе премудрости.

ВЕЧЕРЪ СУББОТНІЙ.

Встань, вѣтеръ сѣверный, и подуй, южный вѣтеръ въ саду моемъ, и закаплютъ его ароматы... Сплю я, но не спитъ сердце мое — и вотъ, слышно, гласъ возлюбленнаго ударяетъ въ двери: отопри, сестра моя, ближняя моя, голубица моя, чистая моя...

Пѣсн. IV. V.

Такъ говорила невѣста, когда ждала жениха своего, и вся душа ея трепетала горячимъ ожиданіемъ желаннаго счастья. Мало ей было думать и любить: видѣть хочетъ она того, кому отдалась душа ея, назвать его своимъ, всю себя еще разъ отдать ему, собрать всѣ свои сокровища для него, и всю красоту свою и всю свою доброту въ праздничномъ нарядѣ поставить ему на радость. Пришло ея время: всѣхъ и все хочетъ забыть она, кромѣ того кому несетъ свою душу:

она оставила всякую работу, она отослала всѣхъ чужихъ, и всѣ остатки ежедневнаго суетливаго шума заглушила въ себѣ. Она убрала свой домъ для желаннаго гостя,— все приготовила — и ждетъ, когда стукнетъ въ двери, когда войдетъ онъ, и за нимъ затворится дверь. Садъ насадилъ ей возлюбленный женихъ ея, и каждый день раститъ она и поливаетъ и украшаетъ свой садъ — и хочетъ ему показать его въ цвѣтахъ и свѣжей зелени. — «Приди, зоветъ она, — приди, полуденный вѣтеръ и подуй на вертоградъ мой, и пусть закаплютъ его ароматы».

Вотъ, идетъ къ тебѣ женихъ твой, душа. Такъ ли ты любишь его, такъ ли трепещешь горячимъ ожиданьемъ, такъ ли жаждешь принять жениха своего, видѣть его, для него все забыть, и приготовить ему торжество свое и еще разъ сказать ему: я твоя, и ничья больше. Цѣлую недѣлю не приходилъ Онъ; цѣлую недѣлю работала ты въ суетѣ житейской, цѣлую недѣлю подъ окнами твоими былъ шумъ рыночный и стучались въ дверь твою праздные посѣтители. Входили къ тебѣ, и садились съ тобою, и глядѣли тебѣ въ глаза и ловили твои желанья, и говорили тебѣ про красоту, говорили про любовь, и обѣщали тебѣ честь и веселіе. Слушала

ты ихъ? соблазнялась льстивыми ихъ рѣчами? надѣвала нарядъ свой и выходила гулять съ ними, и величалась ихъ честью и любовью? Или, въ тишинѣ дѣлала ты свое дѣло, и, между льстивыхъ рѣчей думала: о, когда опять придетъ желанный, кому отдала я свое сердце, кому готовлю жизнь свою, для кого украшала себя красотою: онъ меня любитъ, онъ каждый день шлетъ мнѣ привѣтъ и ласку и обѣщаетъ приходъ свой.

Вотъ, прошла недѣля, и онъ идетъ опять оживить твою усталость, и несетъ тебѣ радость свиданія и торжество праздничное. Онъ сказалъ, уходя въ послѣдній разъ: приду опять въ субботу вечеромъ. Сложи свою работу, сними свое рабочее платье, надѣнь праздничный нарядъ свой. Посмотри — вечеръ подходитъ, и тихимъ свѣтомъ засіяло надъ холмами и рощами села твоего заходящее солнце. Пахарь оставляетъ соху свою, послѣдніе снопы сложены на гумно и стадо возвращается домой съ поля. Вѣтеръ утихъ: каждый листъ на деревѣ стоитъ неподвижно и сквозитъ на солнцѣ изумруднымъ свѣтомъ молодой зелени; каждая былинка на землѣ, свѣсивъ головку, ждетъ росы вечерней; каждый колосъ на неубранномъ полѣ отдыхаетъ, обли-

той золотистымъ свѣтомъ вечернихъ лучей. Слышишь — зазвонилъ въ неподвижномъ воздухѣ вечерній колоколъ, видишь — народъ потянулся къ церкви пестрою толпою.

Приди же, тихій вѣтеръ, и подуй на мою молодую рощу! Проснись, зеленый садъ мой, собери и пролей свои ароматы на встрѣчу желанному жениху. Онъ идетъ — не спитъ мое сердце, — и чу! гласъ возлюбленнаго ударяетъ въ двери.

Іюнь 1860.

СОДЕРЖАНІЕ.

Праздники	3
Слуху моему даси радость и веселіе	11
	14
Введеніе во храмъ	17
Рождество Христово	24
	32
Новый Годъ	37
	40
Крещеніе Іоанново	44
Богоявленіе	53
Се Агнецъ Божій	58
Срѣтеніе Господне	63
Вербная Суббота	69
	75
Великая Суббота	80
Свѣтлая ночь Воскресенія	86
Воскресеніе	95
Вознесеніе Господне	97
Вечеръ Субботній	107

ПРОДАЕТСЯ

ВЪ СИНОДАЛЬНЫХЪ КНИЖНЫХЪ ЛАВКАХЪ.

Цѣна **75** коп.

ТИПОГРАФІЯ А. БЕНКЕ.

[10p]